Л615
671

В Дом
1515/671

М. ДАИЯН.

СМОЛЕНСК В РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

ИЗДАНИЕ СМОЛЕНСКОГО ИСТПАРТА
1927

1615 67

М. ДАИЯН.

СМОЛЕНСК
В РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА.

739202

ИЗДАНИЕ
СМОЛЕНСКОГО ИСТПАРТА.
1927 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		Стр.
1.	Предисловие	3
2.	Введение	5
3.	От февраля до июля	9
4.	Июльские дни	13
5.	Смоленский Совет	16
6.	Корниловщина	19
7.	Смоленские организации	23
8.	Большевики в уездах	27
9.	Канун Октября	30
10.	Переворот в Смоленске	36
11.	Сквозь меньшевистские очки	41
12.	Переворот в Вязьме	44
13.	После боя	47
14.	Первые шаги Соввласти	50
15.	Смоленская печать	56
16.	Конец земства	61

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

V 799202

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая брошюра написана к 10-тилетию Октября на основании имеющихся в Истпарте весьма скудных материалов, а главным образом, по личным показаниям и воспоминаниям участников и живых свидетелей Октябрьской революции в Смоленске и губернии.

Таким материалом нам послужили воспоминания т.т. Астрова, Вагнера, Иванова, Иоффе, Ковалева, Крылова, Крюкова, Лукьянова, Ронина, Сафронова, Сидорова, Смольянинова, Флоренского, Черникова, Шуровича, Хозабершвили, Юняева и др. Кроме того, мы созвали собрание из лиц, принимавших непосредственное участие в событиях 1917 г. в Смоленске, и устроили им как бы „очную ставку". Затем, прочитав им эту монографию, мы услышали от них отзыв, занесенный в протокол, хранящийся в Истпарте, о том, что „картина тогдашних событий нарисована правильно" и „что сообщенные здесь факты соответствуют исторической действительности".

Размеры, определенные Истпартом ЦК для монографии о Смоленске в 1917 году, к сожалению, не позволили нам включить в нее ряд данных, в отсутствии которых некоторые читатели склонны будут нас винить.

Глава „От февраля до июля" частью написана на основании брошюры тов. Астрова „Большевики в Смоленске" зав. п/о. печати Смолгубкома тов. А. Кучинским.

ВВЕДЕНИЕ.

Путь, ведший нас к победному Октябрю, будет предметом пытливого изучения для многих поколений. Тщательно будут проанализированы экономические и социально-политические устремления нашей Великой Революции. Прослежено будет, как зародились идеи Октября в умах опередивших свое время идеологов. Как эти идеи претерпели гонения врагов и насмешки „друзей". Как они стали уделом широких масс и, закалившись в горниле тяжелых испытаний и мучительного опыта, постепенно приобретали признание вчерашних противников. Как отвлеченности и „утопии" вычеканились в твердые социально-правовые установления и стали никем не оспариваемыми ценностями человеческой культуры.

Моменты, приведшие к победному Октябрю, прежде всего, явления экономического характера: война, земельный голод, малый удельный вес отечественной буржуазии, слабой и неорганизованной. Далее идет такой существенный фактор, сыгравший огромную роль в нашей революции, как закаленная в подполье, дисциплинированная, сплоченная, самоотверженная ленинская партия.

Что могла противопоставить этой железной партии русская расплывчатая, прекраснодушная „демократия?"— Группу размагниченных интеллигентов во главе с Керенским, этим глубоко-лирическим тенором, пытавшимся говорить „государственным" басом!

На водительство претендовали наши меньшевики, хоронившие революционный марксизм и сдававшие в музей древности его славные доспехи. Меньшевики так далеко и основательно отодвигали социализм в даль времен, что превратили его в какой-то несбыточный миф. По их долго высиженным вычислениям, централизация средств производства и обобществление труда еще не изготовили для пролетариата жареных рябчиков. Когда все будет го-

тово, они, жрецы от меньшевизма, не замедлят дать знать об этом дожидающемуся пролетариату.

В ответ на мудрые речи меньшевистских евнухов нетерпеливый пролетариат не захотел бездействовать и ждать от них застрявшей в пути повестки. Если „об'ективные условия" так неблагоприятны для пролетариата, как утверждают социалистические маловеры, то ему ничего другого не остается, как удесятерить свои усилия и закалить свою волю к власти. Российский пролетариат и напряг свои силы, героически разорвав „капиталистическую оболочку" на части. А когда ныне последняя рвется и в других странах и повсюду наростают звуки похоронного марша по капиталистическому строю, пролетариат и без благословения „ученых" звонарей с.-д. маловеров, знает, что близок час его освобождения. Волны пролетарской революции без устали бьют о скалистые берега мещански-филистерской неподвижности застывшей социал-демократии.

Путь к Октябрю шел через ломку „демократических" учреждений. Мы, большевики, действительно отрицаем абсолютность и непререкаемость традиционных демократических форм и установлений. Все находится в зависимости от целого ряда экономических и социально-политических условий в определенный конкретный исторический момент. Ведь были же в истории примеры, когда представительные учреждения, избранные всеобщим голосованием, играли реакционную роль.

Отрицательное отношение к учредительному собранию вовсе не нами, большевиками, впервые провозглашено. Оно было лозунгом крайне-левых Великой Французской революции. Впоследствии его выдвинули радикальные элементы революции „бешеного года" (1848 г.): „Благо народа выше воли народа".

Крайне-левые требовали тогда отсрочки созыва учредительного собрания и установления диктатуры, дабы успеть „просветить и перевоспитать народ". А более прямодушные революционеры так и говорили: „Если не победим бюллетенями, то победим ружейными залпами".

Напрасно нас лицемерно корят за неуважение к демократическим формам. Наши хулители сами, когда это

им представляется нужным, попирают ногами эти „неприкосновенные святыни“. Так, когда в середине девяностых годов прошлого столетия во Франции стали разгонять католические конгрегации (церковные союзы), французские умеренные социалисты неоднократно требовали отмены несменяемости судей, гарантирующей свободу судейской совести. А несменяемость судей, как известно, целый век была „незыблемым“ устоем демократии.

Мы, большевики, действительно отвергаем всякие отвлеченные догмы „ученых“ представителей реформистской политики и всякую „демократию“, смешивающую в одну кучу разнородные борющиеся классы.

Далее, Октябрьская революция с несомненностью доказала своеобразие общественно-правовых путей государственного развития нашей страны. Нам не понадобилось долго застревать на повторении прошлых революций. Мы предпочли проливать свою кровь не за чахлый европейский парламентаризм и не за демократические полумеры, а за новые государственно-политические формы. Мы основательно сократили тот промежуток времени, который отделяет нас от коммунизма.

Тут сказалось своеобразие нашего исторического пути. Путь этот обусловлен ничем иным, как своеобразным социально-экономическим построением нашей страны.

И если западные социалисты и их меньшевистские выученики у нас имели ориентацию на квалифицированного фабричного рабочего и его высокий жизненный „штандарт“, то большевики-ленинцы, учтя своеобразие нашей экономики, держали курс на *рабоче-крестьянскую* революцию. И этот правильный курс, на основе правильного учета нашего своеобразия, привел нас к победе!

При этом следует отметить, что этот факт своеобразия социально-политического развития нашей страны ничего общего не имеет с тем, что говорили о нашем своеобразии старые народники и впоследствии эсеры.

Они говорили: „К России, как к стране земледельческой, неприложимы результаты анализа общественных отношений, сделанного в капиталистических странах Европы“. Народники утверждали, что на основе земельной общины выросла и развилась „социалистическая психология“ русского крестьянства.

„Русский народ“,—говорили они,—коммунист по инстинкту, по традиции.

Теперь, в 1927 году, нет, конечно, надобности долго останавливаться на этих ложных утверждениях народничества, набожно воспринятых эсеровской партией. Сама жизнь, в особенности послеоктябрьские годы достаточно полно и убедительно опровергли народнически - эсеровские теории и разрушили их психологические карточные домики.

За грубой реальностью фактов они не разглядели происходившего в недрах народа процесса развития. Не сумев связать печального настоящего с чаемым, светлым будущим, они неминуемо осуждены были на провал. На оторванности их от живой действительности и выросло их преклонение пред застывшими неподвижными формами крестьянской общины, которую они призывали во что бы то ни стало сохранить.

Октябрьская революция под водительством ленинской партии нещадно сокрушила божков народников и эсеров, нанесла непоправимый удар меньшевистскому неверию в революционное строительство социализма, начисто вымела из страны Советов помещичье-буржуазную нечисть. И тот факт, что, вопреки всем злостным прорицаниям, вот уж десять лет государство, занимающее шестую часть света, народ в 150 миллионов человек, обходятся без помещиков и фабрикантов, сами строят и налаживают свое хозяйство,—один лишь этот факт бьет по лицу всех маловеров и наполняет нас уверенностью в окончательной победе.

От февраля до июля.

Смоленск был, да и теперь еще остается городом со слабо развитой промышленностью. Однако, рабочее социал-демократическое движение возникло в Смоленске, Ярцеве, Рославле и Вязьме еще задолго до первой революции 1905 г. В 1905—06 годах в с.-д. организации главенствовали меньшевики.

С 1905 г., под влиянием наезжавших из Москвы от поры до времени большевиков, в Смоленске сложилась небольшая местная группа большевиков. Сначала они не обособлялись, упорно защищая свою линию в об'единенной с.-д. организации, но с 1914 г. местная большевистская ячейка ведет свою работу совершенно самостоятельно, шаг за шагом отвоевывая рабочую массу у меньшевиков.

В годы империалистической войны Смоленск был крупным тыловым центром. В нем находилось много войск, ряд специальных частей и мастерских, обслуживавших фронт.

Среди солдат этих частей было много заводских рабочих-партийцев, которые работали над созданием военно-революционного центра пропаганды.

К осени 1916 г. такая организация была создана. В нее входили большевики, эсеры и бундовцы.

Первым вопросом в этой организации стал вопрос об отношении к войне. Большевики выдвинули лозунг о превращении войны империалистической в войну гражданскую. Конечно, эсеры и меньшевики возражали против него, но вопрос все-же был решен в положительном смысле. Главной своей задачей военная организация считала—при получении первых же сведений о начинающейся революции поднять восстание Смоленского гарнизона и рабочих и захватить в свои руки военную и гражданскую власть.

Февральская Революция в Смоленске, как и в большинстве провинциальных городов, совершилась бескровно.

Получив известия о событиях в Питере, громадная толпа манифестантов пошла по городу, освободила политических заключенных, арестовала генералов, разоружила городовых и т. п.

Власть захватила коалиция буржуазных и мелко-буржуазных элементов из городской думы и земства, образовавших „Городской Исполнительный Комитет“. Сформировался этот Исполком 3-го марта 1917 года, как только определенно стало известно, что „начальство ушло“, что безопасно уж быть „революционерами“.

В этот Исполком вошли такие лица, как Ланин, Рачинский и ряд других „отцов города“.

В чем усматривало это учреждение свое особое назначение?

Мы можем уяснить это себе из следующих фактов.

19-го апреля Исполком постановляет оставить в г. Белом черносотенца Игнатюкова, не отстраняя его от „общественной“ деятельности. Свобода для черносотенной пропаганды!

Далее, в рапорте на имя главного начальника Минского военного округа Смоленский жандармский генерал Громыко написал любопытный донос:

„В Городском лазарете № 7 в Ново-Белице,—пишет этот маститый жандарм,—большинство персонала евреи, там же две еврейки ведают бактериологическим кабинетом и еврей—аптекарь. При осмотре кабинета мне невольно пришла мысль: как бы живые бактерии холеры, тифа и сибирской язвы, которые я наблюдал в микроскоп, в благоприятное время для иудейских вожделений, не переселились в пищевые продукты и питьевые источники.

Коснувшись сестер милосердия,—продолжает этот старый филер—признаю нужным добавить: еврейки, сестры милосердия, как замечено, держат себя свободно, сближаясь сплошь и рядом с офицерами, флиртуют с ними по улицам.

Быть может в большинстве эти прогулки ограничиваются одним флиртом, но возможно допустить преднамеренность: получить в интимных беседах сведения о расположении войск и резервных частей и другие сведения военного значения для шпионажа“.

Кроме того, Громыко вел агитацию против нового строя, против революции, продолжая этим свое старое служение самодержавной монархии. Громыко был начальником губ. жандармского управления, десятки лет душил революционное движение на Смоленщине и гноил по тюрьмам революционеров.

Прокурор Временного Правительства всячески выгораживал бывшего жандарма и отказывался от привлечения его к ответственности.

Дело дошло до Исполкома. Как реагирует это „демократическое“ учреждение на возмутительную черносотенную пропаганду жандармского генерала?

Исполком постановляет присоединиться к мнению прокуратуры, то-есть фактически оставить это дело без последствий. Свобода жандармам!

Вот кто в те ненастные дни, наряду с городской думой, с соглашательским Советом, с казачьими офицерами вершили дела революции и делили между собой власть!

* * *

Сейчас же после революции в рабочих и солдатских массах Смоленска началась оживленная революционная работа. Под руководством тов. В. А. Смольянинова—солдата-большевика из тыловой автомобильной мастерской, в казармы этой мастерской была привезена с вокзала большая часть отобранного у полиции оружия.

„Кто их знает, кто там у них в Комитете. Винтовки у нас в руках—дело будет надежнее“,—говорили солдаты-автомобилисты о думцах.

На другой же день после революции было приступлено к организации Совета—сначала Совета солдатских депутатов.

Первое организационное собрание солдат—представителей воинских частей происходило полулегально; не было „разрешения свыше“ входить солдатам в какие бы то ни было организации.

Большевики с первых же дней правильно поставили вопрос о связи с уездными городами.

„С этой целью,—говорит тов. Смольянинов,—мы с тов. Соболевым ездили в Рославль и Ельню. Первое, на что мы наткнулись, это—взаимоотношения солдат и офицеров. В Рославле солдатским Советом руководил меньшевик. Офицерами руководил какой-то энергичный доктор.

На вопрос, можно ли допускать офицеров в солдатский Совет—мы высказались отрицательно. Ясно было, что офицеры стремятся попасть в солдатский Совет с целью руководить в нем.

В Ельне мы тоже нашли уже организованный солдатский Совет, которым руководил прапорщик, называвший себя эсером-интернационалистом“.

Об'единить вокруг Советов солдатские массы, спаять их воедино с рабочими организациями, терпеливо, настойчиво, упорно раз'яснять им большевистские лозунги—такие задачи ставили себе смоленские активные большевики.

Под влиянием развертывавшихся событий и большевистской агитации в рабочих и солдатских массах стало заметно движение влево от соглашательства.

Под корой официального спокойствия и согласия уже назревало общее народное недовольство политикой Временного Правительства.

В происходившей 1 мая в Смоленске демонстрации большевики шли с лозунгом—„Долой Войну". Этот лозунг встретил дружную поддержку рабочих и солдатских масс. Под этим лозунгом шел целиком союз рабочих-печатников, руководимый одним из старейших смоленских большевиков тов. Кондратьевым.

Демонстранты разорвали в клочки кадетское знамя с лозунгом—„война до победного конца".

Первой демонстрацией, организованной Комитетом большевиков, был протест против смертного приговора, вынесенного австрийским правительством Фридриху Адлеру.

Демонстрация из солдат, рабочих и военнопленных подошла к Совету. Там шло заседание. Фракция большевиков, целиком шедшая с демонстрацией, предложила прервать заседание Совета и присоединиться к демонстрантам, но соглашательское большинство Совета отклонило это предложение, ограничившись приветствием.

Еще более внушительный характер носила демонстрация в дни июньского наступления на фронте. Городской Исполнительный Комитет издал приказ, воспрещавший демонстрации, митинги и собрания. Но большевистский Комитет вынес решение организовать демонстрацию.

Меньшевики и эсеры из Исполнительного Комитета не были настойчивы в проведении своих решений. Несмотря на свое собственное постановление, они решили устроить демонстрацию с соглашательскими лозунгами.

Выдался яркий солнечный день. Со всех концов города потянулись шествия и группы рабочих и солдат. С Покровской горы шла мощная солдатская масса в 5—6 тыс. человек. С Армянской улицы к ним присоединилась партийная рабочая демонстрация.

„Мы требуем перехода власти в руки Советов"!—кричали большевистские знамена.

„Долой наступление!—Долой войну!"

„Да здравствует Р.С.-Д.Р.П. большевиков!"

И здесь так же, как и 1 мая, знамя с надписью о „победе" было растерзано солдатами в порыве стихийного негодования.

Демонстрация направилась к Совету. Меньшевичка Цапенко пыталась пропагандировать наступление, но толпа гневно зашумела и не дала ей говорить.

На митинге на Молоховской площади значительная часть рабочих и солдат приветствовала речи ораторов-большевиков.

Тов. Смольянинов произносит речь.

Тов. Соболев.

Тов. Кирсанов.

3. Июльские дни.

Под влиянием растущего недовольства реакционной политикой Временного Правительства, неудачи июньского наступления на фронте и намерения правительства вывести из Ленинграда преданные революции войска, с 16 по 18-е июля (по ст. стилю 3—5) большевистски настроенные рабочие и солдаты Ленинграда (тогдашнего Петрограда) вышли на улицы и площади столицы и заявили свою твердую волю: „Конец войне“ и „Вся власть Советам“.

Правительством К е р е н с к о г о движение это было подавлено.

Когда до Смоленска дошла весть об июльских днях, меньшевики 18-го (5-го) июля созвали общее собрание. После горячих речей против большевиков собрание приняло резолюцию, в которой громит действия „безответственного меньшинства“ (партии большевиков), грозящие гибелью революции, и призывает к активной борьбе с „контрреволюцией, исходящей не только справа, но и слева“.

Через два дня свое слово сказал о июльских днях и Смоленский тогдашний меньшевистско-эсеровский Губисполком:

Вот, что он сказал:

1) Комитет выражает свое негодование по поводу безумно-преступных деяний меньшинства Петроградской демократии и Петроградского гарнизона.

Эти действия, по мнению К-та, могут повести только к разложению революции.

2) Комитет глубоко верит, что в многочисленной массе революционной демократии преобладают „здоровые государственно-настроенные элементы“, что подавляющее большинство понимает задачи и пути революции так же, как их понимают Вр. Правительство и Исполнительный Комитет Совета Солд. и Раб. Депутатов. Безусловно преступные петроградские выступления не поведут к дезорганизации Всероссийской революционной демократии. Тем не менее, Комитет уверен, что Вр. Правительство и его представители на местах примут самые решительные меры.

3) С своей стороны Комитет призывает все население Смоленской губернии, все организации и учреждения везде

и во всем, всеми силами и средствами поддерживать Вр. Правительство.

На той-же высоте понимания задач „революционной демократии“ стояла и Смоленская городская дума. Она также „спасала революцию“ против большевиков и призывала к суровым мерам против них.

При этом гласные меньшевики и эсеры прибавили к думской резолюции один характерный пункт:

„Вместе с тем Дума в самой решительной форме осуждает отзыв министров-кадетов из состава Вр. Правительства в настоящий тяжелый момент, считая, что уход кадетов-министров осложнил политическое и хозяйственное положение страны и способствовал успеху безответственной тактики б-ков, вызвавших гражданскую войну на улицах столицы“.

Наши меньшевики и эсеры пришли в ужас от ухода хозяина. Как же это мы жить будем без министров-кадетов! Они считали, что власть должна быть у капиталистов. Только тогда будет „порядок“. А если власть возьмут Советы Раб., Солд. и Крестьян. Депутатов, это—безначалие, безвластие, беспорядок.

Июльские события были использованы Смоленскими меньшевиками и эсерами для борьбы с местными большевиками также при выборах в Советы.

15 (28) июля Смоленский Совет постановил на выборах в городскую думу поддерживать и агитировать от имени Совета только за список об'единенного блока (меньшевиков, эсеров и бундовцев). Большевики же были признаны партией, которой не должно быть места в рабочем представительстве.

Фракция большевиков заявила горячий протест против этого насилия большинства и доказывала свое несомненное право быть представленной в выборных учреждениях, как наиболее революционная часть мирового рабочего движения.

* * *

Июльские дни принесли Смоленской партийной организации большую пользу.

Возмущение против большевиков за питерское выступление рабочих и солдат вылилось в небывалую травлю большевизма и его вождей со стороны всей контрреволюции.

В ход была пущена гнусная клевета, будто Ленин и его партия, это—продавшиеся немцам шпионы, агенты Вильгельма II.

Отечественные контрреволюционеры позаимствовали этот метод борьбы с революцией у французских реакцио-

неров, которым удалось когда-то подобной клеветой выбить из строя крупного и преданного борца за рабочее дело в трех французских революциях, Огюста Бланки.

Контрреволюционные элементы Смоленска ухватились в своей борьбе против большевизма за оружие клеветы, направив ее ядовитое жало в ненавистную им большевистскую организацию. Последней пришлось удвоить и утроить свою энергию, чтобы отстоять свои лозунги и доказать, что они направлены ко благу пролетариата. Для этого надо было расширить и углубить агитацию среди широких слоев трудящихся и армейских масс. С этой целью все ответственные работники-большевики в Совете были тогда отозваны со своих постов и брошены на парт. работу в широких массах трудового населения. Организованы были доклады и лекции, раз'ясняющие задачи и цели большевизма, его ближайшие шаги и конечные устремления. Устраивались частые митинги и собрания, преимущественно в воинских частях, разоблачались хитрые махинации врагов рабочего класса и доказывалась нелепость гнусных слухов о немецком шпионаже самоотверженных вождей пролетариата.

В помещении больничной кассы на углу Армянской ул. и Соборной горы шли частые парт. собрания.

Выросшая и усилившаяся полит. - просветительная работа нашей Смоленской организации дала блестящие результаты. Число членов партии сильно выросло после июльских событий.

Усилилось наше влияние на армейские части, где наши лозунги вызвали сильное брожение и созвучные настроения.

Таким образом, июльские дни и последовавшее за ними усиление травли против нас, в конечном счете, принесли нам пользу. Обострили нашу политическую работу, усилили нашу энергию, умножили наши ряды и увеличили симпатии к нам рабочих и крестьян, как тех, кто стояли у станка и плуга, так и тех, кто были одеты в солдатские шинели и держали в руках винтовки.

Винтовки обратились против врагов трудового народа, что облегчило нам путь к Октябрю.

Одним из его славных этапов были июльские дни и то, что за ними последовало.

Смоленский Совет.

Секретарем Совета Рабочих и Солдатских Депутатов с самого дня его основания и до октябрьского переворота был тов. Вадим Александрович Смольянинов. В присланных им нам воспоминаниях мы имеем оценку деятельности тогдашнего Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, а также и Крестьянских Депутатов, исходящую от человека, хорошо знавшего жизнь Совета, компетентного и вдумчивого общественного деятеля.

К чему сводится характеристика деятельности Смоленских Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, даваемая тов. Смольяниновым? Деятельность этих учреждений носила характер крайней беспорядочности, хаоса и бесцельности. Можно совершенно определенно сказать, что ни Советы, ни их Исполкомы ни в какой мере не были руководителями революционного движения рабочих, крестьянских и солдатских масс.

Достаточно привести такой факт. Незадолго до октябрьского переворота в Смоленске развернулась стачка металлистов. Рабочие стойко в течение свыше двух месяцев боролись за свои требования. Не только дума высказалась против удовлетворения требований забастовавших рабочих, но и Совет сделал все, чтобы помешать их победе.

Забастовка эта закончилась победой рабочих лишь после октябрьского переворота. Восторжествовавшая Советская власть дала победу металлистам, и предприниматели полностью выполнили их требования.

Причины, по которым не ладилась работа Советов и Исполкомов дооктябрьского периода, правильно вскрывает в своих присланных нам воспоминаниях тов. В. В. Флоренский.

На пленуме, говорит тов. Флоренский, оратор проповедует „войну до победного конца“. Принимается резолюция. Но как только агитаторов пускают с этим лозунгом в массы, все получается шиворот-на-выворот. Вместо „победного конца“ у оратора-массовика с языка летит „Долой войну“. Потому что масса давит на психику оратора и заставляет его провозглашать те лозунги, которые созвучны с ее интересами и потребностями.

Работа Совета была оторвана от реальной жизни. Возьмем к примеру продовольственное дело. У помещиков был хлеб. Нужно было его забрать по оценке. Но последняя такова, что в управе не хватит денег. Ну, и занимались... печатанием продовольственных карточек. И за какую бы практическую работу ни взялись, она оказывалась невыполнимой.

Бездеятельный Совет жил только партийными спорами. Он жил только тогда, когда становился „дискуссионным клубом".

„В Совете было оживленно,—свидетельствует т. Флоренский,—только в тот период, когда в нем заседали большевики Смольянинов и Соболев и развертывались прения по основным вопросам революции". Но когда они, поняв тщетность „парламентских дебатов", ушли работать в массы, среди рабочих, солдат и крестьян, в Совете стало скучно, и председатель Совета, меньшевик Гальперин, все жаловался и ныл, что никак не соберет кворума. Вновь наступило оживление, когда лидеры большевиков вернулись в Совет с победными трофеями, с новыми депутатами, обращенными ими в „большевистскую веру".

Советы сами по себе, поскольку они были соглашательскими, не могли вести цельной классовой линии и, следовательно, не способны были к творческой работе. Они могли лишь быть для нас трибуной, с высоты которой можно было вести агитацию и бороться за большевистские идеи.

Наши представители в Смоленском Совете боролись за оживление Советов, за их превращение в рычаг политической власти и радикальных экономических преобразований.

Большевизации Совета и успеху пропаганды наших идей не мало помогало то обстоятельство, о котором мы упомянули выше, что лидер организации В. А. Смольянинов был секретарем Исполкома Совета. Он умел использовывать официальные отчеты о заседаниях Совета в качестве агитационного материала для наших целей. Например, выступления рабочих и солдат с уклоном к большевизму секретарь Исполкома обрабатывал и печатал в форме революционных речей. Меньшевистско-эсеровские же выступления преподносил в таком виде, чтобы усилить и углубить отрицательное отношение к идеологии и идеологам соглашательства. секретарство тов. Смольянинова, кроме того, помогало нашей организации тем, что частично избавляло ее от затрат на печатание литературы для нужд агитации и пропаганды. Аппарат соглашательского Совета оказывал нам здесь—

ГОСУДАРСТВ. ЛИБЛИОТЕКА ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

умелыми руками тов. Смольянинова — существенную услугу.

* * *

Из всех материалов того времени мы ясно видим, что к концу эпохи Временного Правительства и соглашательства река классовой борьбы вышла из берегов легальной гражданственности и разлилась мощным потоком по полям и нивам, по заводам и мастерским, по казармам и окопам, всюду, где жил и боролся, дышал и задыхался измученный рабством, войной, голодом и разрухой рабочий и крестьянский люд в блузах, сермягах и серых шинелях.

Корниловщина.

После июльских дней в г. Смоленске и уездных городах Советы выносили резолюции, осуждающие „безответственные выступления“ с угрозами применить к „нарушителям революционных основ“ самые решительные меры.

Исполком Смоленского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, Исполком Совета Крестьянских Депутатов и Губ. Комиссар О. Д. Ефимов в своем воззвании „К солдатам и рабочим Смоленска“ говорят о „большевистских авантюрах, которые грозят окончательно погубить революцию и вернуть ненавистный старый строй“, и предупреждают о том, что они будут противодействовать „безумным авантюрам“ „всеми силами и средствами“, какие только имеются в их распоряжении.

На защиту „революции“ выступают... казаки Кубанского полка. 12 (25) июля они выносят постановление о поддержке... Совета Рабочих Депутатов, грозя непокорным большевикам применить к ним самые суровые меры „вплоть до употребления в дело оружия“. Под этим документом, свидетельствующим о трогательном „единении сил“ тогдашнего эсеровско - меньшевистского Смоленского Совета с сомнительной казацкой демократией, имеются подписи: „Председатель полкового комитета Жданов, тов. председателя под'есаул Андреев, за секретаря В. Крохоткин“.

Большевиков тогда травили и обливали помоями черносотенцы и кадеты, меньшевики и эсеры. Так, например, один из лидеров смоленских меньшевиков С. П. Шур опубликовал в „Смоленском Вестнике“ от 12 (25) июля статью, в которой, смакуя пущенную против вождей большевизма клевету, вкривь и вкось трактует модную тогда тему о „темных изменнических предприятиях некоторых большевиков“, о „документах, изобличающих Ленина и других большевиков в государственной измене“. Шур при этом многозначительно приводит слова, сказанные Чхеидзе кронштадтским матросам: „Вы скоро узнаете, за кем идете и на чьи деньги ведется большевиками агитация“.

По поводу восстановления смертной казни на фронте эсеровский „Смоленский Вестник“ в передовой возлагает всю вину за это на „безумных героев кровавых июльских дней“ и говорит:

„Да будут навеки опозорены преступные безумцы, по вине которых ответственные руководители революции вынуждены были, во имя спасения страны, восстановить смертную казнь“ („См. Вестн.“ 14/VII—17 г.).

Как вам это нравится? Они душат революцию и расстреливают пролетарский авангард, а вину за это возлагают на свои жертвы!

Подготовлялась почва, расчищался путь черному Корниловскому мятежу, навстречу которому направлялись силы буржуазии при вольном и невольном пособничестве меньшевиков и эсеров.

* * *

Временное Правительство, особенно же военное командование, в согласии с буржуазией, приняли меры к разгрому Революции. В конце августа верховный главнокомандующий генерал Корнилов, по соглашению с Керенским, двинул с фронта на Ленинград (тогдашний Петроград) контрреволюционные казачьи полки и дикую дивизию.

На борьбу с Корниловым были брошены революционные войска и организованные рабочими Красногвардейские отряды. Ленинградские рабочие спешно вооружались. Большевистские организации Ленинграда и Москвы приняли все меры для борьбы с Корниловским мятежом и сыграли решающую роль в его поражении. Войска, двинутые Корниловым на Ленинград, под влиянием большевистской агитации, отказались сражаться.

В историю революционного отражения Корниловского наступления должен быть включен эпизод, связанный со Смоленском. Эпизод этот несколько напоминает один из красочных эпизодов из истории Великой французской революции.

Король Людовик XVI бежал с семьей из пределов Франции с тем, чтобы об'единиться с врагами родины и заставить ее, вчера только освободившуюся, вновь целовать сапог своего монарха и туфельки его фавориток.

Король был уже близок к своей цели. Быстрые кони мчали его к заветной границе. Бежали в порывистом беге версты за верстами. Вот-вот он обретет свободу, чтобы вновь поработить Францию. Но помешал этому маленький незаметный человек, который стал на дороге короля и уберег родину от новых испытаний. Почтовый чиновник одной из близких к границе станций, читавший по праздникам иллюстрированный журнал и встретивший в одном из номеров журнала портрет сверженного короля, узнал его и дал знать революционной власти. Была устроена погоня за бежавшим зверем, и он был обезврежен.

История, как известно, хотя и повторяется, но никогда прошлое не воспроизводится в тех же точно формах и образах, в каких оно однажды вычеканилось.

Эпизод из истории Великой французской революции с почтовым чиновником повторился в ином, разумеется, виде, в сокращенном издании, в Смоленске, в дни корниловской авантюры.

Смоленск, выражаясь патетически, дал революции своего почтового чиновника. Звали этого чиновника Иван Сидоров. Был он маленький почтово-телеграфный чиновник. Начальство едва терпело его. Слухи шли, что он неблагополучен по большевизму. Правда, он не очень афишировал свою идейную близость к „немецким агентам", но кое-что все же дошло до начальства. Может быть то, что он ходит на курсы политграмоты и слушает там „Эрфуртскую программу" и „Экономическое учение Карла Маркса" в изложении Карла Каутского.

Начальство собиралось его уволить, но еще не успело этого сделать, и Сидоров сидел в почтово-телеграфной конторе, согнувшись над аппаратом, когда телеграф отчеканил сообщение о продвижении на Москву и Ленинград генерала Корнилова. Сидоров списал копию с телеграммы и снес ее тов. Смольянинову. Было это в 12 час. ночи. Смольянинов поднял тревогу. Собрал ответственных работников организации и распорядился немедленно отправить революционный отряд в Оршу, чтобы задержать наступление контрреволюционного генерала.

Наша организация пробовала сговориться с меньшевиками, с целью общего наступления на врага, но меньшевики колебались, ссылаясь на слабость наших сил. Между тем, наша организация предлагала 16 „большевистских пулеметов" из 2-го артиллерийского парка.

Впоследствии меньшевики уж больше не сомневались в наших силах и в нашем умении побеждать. Но то было до 25 октября, то было в последних числах августа (ст. ст.), и меньшевики на предложение выступить против Корнилова скептически качали своими мудрыми головами. Большевики предложили организовать военно-революционный комитет. Пленум Совета это предложение принял. В ревком были выбраны 7 человек, из которых были 2 большевика (Смольянинов и Соболев) и 1 левый социал.-революционер (Смоленцев). Но под давлением Исполкома Совета состав ревкома был доведен до 29 человек и по эсеровско-меньшевистской конструкции в него должны были попасть и кадеты, члены Городского Исполкома, того самого, который, как мы это видели выше, выгораживал черносотенцев и жандармских генералов. Эти поощрители

Игнатюковых и Громык должны были помочь нам спасти революцию от Корнилова!

Меньшевики тянули и оттягивали два дня. Терпение нашей организации истощилось, и мы самостоятельно, без меньшевиков и без кадетов из „Городского Исполкома", отправили на Оршу задержать Корнилова второй авиационный парк и часть саперного баталиона.

Во главе пулеметной команды стал отважный солдат-большевик т. Златоверов, организовавший эту команду из своей авиочасти.

Но там их силы оказались ненужными. Корниловщина потерпела уже поражение.

* * *

Корниловская авантюра принесла революции пользу. Она показала рабочим массам, что внутри страны ютится для них опасность притаившейся политической реакции, которая в благоприятный для нее момент набросится на пролетариат с тем, чтобы отнять у него плоды победы.

Корниловщина обнаружила перед крестьянством опасность удержания помещиками земли, к которой крестьянство веками протягивало свои руки.

Корниловщина, если-бы она победила, грозила солдатам бесконечным продолжением ненавистной империалистической войны.

Когда рабочие, крестьяне и солдаты увидели нависшую над страной опасность, они отвернулись от приведшей страну в тупик соглашательской политики кадетов, меньшевиков и социал.-революционеров и повернулись лицом к той партии, программа и тактика которой предотвращала ставшую перед массами опасность возврата к старому, опасность новой отсрочки решения земельного вопроса и затяжки войны.

Корнилов пришел, массы увидели—и большевизм стал побеждать. Страна левела с каждым днем.

Смоленские организации.

Большевистская организация г. Смоленска насчитывала к осени 1917 г., примерно, человек 200. Охватывала она преимущественно заводских рабочих и солдат.

Гнездом большевистским была автомобильная мастерская, где тогда служил солдатом В. А. Смольянинов. Она состояла из значительного числа квалифицированных рабочих и отличалась большой пролетарской сознательностью.

После т. Смольянинова, лучшего оратора Смоленска того времени, самыми влиятельными большевиками в автомастерской были т. т. Иван Фокич Пиндак и Дегтярев.

Пиндак был металлист, участник революции пятого года, с февраля 1917 г. член Смоленского Комитета партии.

Дегтярев был деятельным членом нашей Смоленской организации.

Организация имела в своих рядах испытанных большевиков. Такими были, кроме старого большевика В. А. Смольянинова, т. т. Соболев, Иоффе, Гончаров, Кондратьев и Кирсанов.

Василий Захарович Соболев—подпольщик с 1913 г. Как легальную базу для своей большевистской работы создал в Смоленске больничную кассу, в которой много работал.

Болезненный, худой, измученный, он не щадил себя на работе, горел на ней.

Симеон Самуилович Иоффе, молодой студент, но давний, с 1911 г., участник Смоленских революционных ученических кружков, а с 1914 г. примыкал к нашей организации. После февральской революции секретарь Смоленского Комитета нашей партии. Негнущийся, энтузиаст.

Петр Гончаров, печатник, скромный, тихий и твердый человек. Хороший агитатор и организатор.

Будучи болен туберкулезом, не жалея себя, работал без устали.

Иван Иванович Кондратьев, высокий, прямой, несколько сухой человек, твердый и решительный. Печатник, старый большевик, активно участвовал в большевистской группе при больничной кассе. После февраль-

ской революции организовал в Смоленске профсоюз печатников и отдавал много сил работе в нем.

Николай Николаевич Кирсанов, металлист, старый подпольщик, скромный, правдивый. После февральской революции—член Смоленского Комитета нашей партии.

„Старикам" усердно помогали в работе т. т. Ермолаев, Андржиевский и Сафронов.

Ермолаев—рабочий с Катушечной фабрики Гергарди, после февральской революции активный член нашей партии. Входил в наш Смоленский Комитет.

Андржиевский—рабочий завода „Вилия". Еще в 1915 г. примыкал к нашей организации, а в предоктябрьский период горячо и преданно работал, помогая вооружению смоленских рабочих. Оказывал большую техническую помощь ревкому.

Леонид Сафронов—путиловец. С лета 1917 г. был одним из руководящих работников нашей Смоленской военной организации.

Немалую помощь оказывали Смоленской организации 2 гимназиста: Гончаров и Краевский. Особенно ценным работником был Юрий Гончаров, 17-летний, хрупкий, стройный, миловидный юноша. Активный работник нашей военной организации, человек исключительной храбрости. Героически вел себя в ночь под 31 октября при защите Совета. Пошел добровольцем в Красную армию и в 1919 г. погиб, атакуя белополяков.

Организация была связана с областной Московской организацией.

Перед самым переворотом приезжали в Смоленск посланцы Москвы для подсчета наших сил и учета возможного участия Смоленщины в перевороте.

Меньшевистская организация была несколько меньше нашей. В ней преобладала интеллигенция.

Лидерами меньшевиков были Давидович и Шур.

Михаил Александрович Давидович, статистик, кооператор, больше теоретик, чем практик, с уклоном к кабинетной работе.

Соломон Павлович Шур—активная натура. Состоял комиссаром Министерства Труда, а в октябрьские дни был председателем боровшегося против нас пресловутого „Комитета Спасения".

По свидетельству т. В. В. Флоренского, „ходившего тогда в меньшевиках," между членами организации не было единства.

Одни с высоты своего величия смотрели на других, как на не вполне сознательную массу, а последние, в свою очередь, относились к первым, как к барам, как к чужакам. „Трудно было спаять Давидовича, Розенберга, Иогансона с рабочими",—говорит т. Флоренский.

Разлад между двумя частями меньшевистской организации вел к тому, что партсобрания становились все малочисленнее и бездушнее.

„Вождям"-интеллигентам было не совсем удобно выступать перед массой. Приходилось действовать через „посредников", агитаторов-массовиков. Но тут-то и заключалась беда меньшевиков. Массовики, соприкасаясь с трудовыми слоями народа, с беднотой и „пушечным мясом", должны были ощутить биение пульса массы и заговорить ее языком. По крайней мере, лучшие из массовиков.

Далее идет разновидность меньшевиков—бундовская организация. Бундовцы имели приверженцев среди кожевников и швейников. Но силы их актива преимущественно черпались из интеллигентской среды, вдохновлявшейся не столько классовыми интересами пролетариата, сколько национальными моментами, хотя и не всегда осознанными.

Анархисты мало чувствовались. Некоторое влияние их наблюдалось среди рабочих кожевенной промышленности.

Лидерами смоленских анархистов были т. т. Сидоренко и Наркевич, хорошо знавшие теорию анархизма. Сидоренко до революции сидел в Смоленской каторжной тюрьме. Наркевич в октябрьские дни был членом ревкома. Оба были храбрыми революционерами.

Сидоренко был впоследствии расстрелян деникинцами за взрыв военных складов (в 1919 г.), а Наркевич служил впоследствии в Красной армии.

Самой большой организацией была с-р'овская. В ней было человек 600—700 и состояла она, главным образом, из крестьян и солдат. На заводских рабочих с-ры почти не имели никакого влияния.

Вожаками социал.-революционеров были Подвицкий и Бухштаб.

Виктор Владимирович Подвицкий—сильный теоретик, ярый оборонец, член с-р'овского ЦК, был выбран от Смоленска в учредительное собрание.

Петр Исакович Бухштаб—практик с уклоном к авантюризму. В октябре он подделал подпись председателя ревкома и разоружил авиационный парк, отняв у него 41 пулемет.

К чему фактически сводилась тогда „идейная" работа с-ров?

Они усердно отговаривали крестьян от запашки помещичьих земель и горячо убеждали их дожидаться учредительного собрания, которое придет и „рассудит".

Между с-рами и кадетами по существу здесь разницы не было никакой. И когда кадеты предостерегали крестьян против „самовольного решения аграрного воп-

роса", которое повлечет за собой все кары земные, то они отличались от с-ров только в „построении речи". Кадеты не так „красиво" говорили, как с-р. Подвицкий. Но по об'ективной своей классовой направленности кадеты был ничуть не хуже с-ров.

Естественно, что это обстоятельство, дискредитация с-ров, послужило нам, большевикам, на пользу, упростив нашу задачу овладения властью.

Легче занять пустое место, чем выталкивать оттуда засевшего неприятеля, успевшего в нем обосноваться. А в деревне мы, благодаря выжидательной тактике с-ров, застали свободную от политвлияния общественную арену. Своей линией поведения с-ры себя сильно скомпрометировали в глазах активного боевого селянства.

Помещичьи земли оставались незасеянными, а у крестьян остро ощущался земельный голод. Этот экономический возбудитель был достаточно силен, чтобы восстановить крестьян против с-ров, игравших печальную роль помещичьих охранников, и подготовить нашу победу в октябре. Ведь вопрос о власти в значительной мере был решен сыновьями и братьями крестьян. Рядом с рабочими они в столицах и городах направили свои винтовки и штыки в грудь выжидателей и соглашателей.

На ряду с земельной тактикой с-ров арсеналом идеологического оружия большевизма служило также и оборончество с-ров.

Серая шинель от меньшевиков и с-ров заговорила то же, что серая шинель от большевиков..

Некоторую долю замешательства и деморализации внес в ряды смоленских с-ров т. Смольянинов.

Путем длительной идеологической осады сумел он взять в большевистский плен видных идеологов и вождей Смоленской с-ровской организации—Сергея Бобрышева и Михаила Смоленцева.

Сергей Тихонович Бобрышев был левым социал.-революционером, и уже с самого начала войны последовательным интернационалистом. В октябре был выбран в члены ревкома. Впоследствии с честью служил в Красной армии.

Михаил Иванович Смоленцев пользовался большими симпатиями в Смоленских революционных кругах. Мягкий, добрый, бескорыстный, идеально настроенный—он своими личными качествами вызывал к себе симпатии.

Эсеровская организация была деморализована уходом из нее таких видных и популярных членов организации.

Большевики в уездах.

На пятой Северо-Западной Областной конференции нашей партии, происходившей в Смоленске 2—4 сентября 1918 года, один из делегатов, тов. Либуркин, посылал следующий упрек Смоленской организации:

„В Смоленске имелось достаточно партработников, чтобы обслуживать губернию, но до осени,—говорил т. Либуркин,—работа была сосредоточена в одном лишь Смоленске".

На основании имеющихся в нашем распоряжении материалов мы можем сказать, что т. Либуркин был неправ. В некоторых уездных городах большевистская работа хорошо велась гораздо раньше осени 1918 г.

Лучше, чем во всех других уездных городах Смоленской губернии, работа шла в Вязьме.

Вязьма была большим железнодорожным узлом и фронтовой базой для всякого рода военных материалов, главным образом,—взрывчатых веществ. В Вязьме находился многочисленный гарнизон, доходивший до 3—4 полков. Для нашего лозунга „Конец войне!" в Вязьме имелся большой контингент восприимчивых сторонников.

Контингент этот рос и увеличивался с каждым днем по мере поступления пополнений с западного фронта.

Оттуда громадной лавой несся поток измученных, голодных, разутых и раздетых людей.

Лазареты были переполнены больными и ранеными. Коек не хватало. Валялись на полу не только в палатах, но и в корридорах.

Солдаты хотели лишь одного: конца войны, стремились только к одному: поскорее добраться домой.

Армейская масса ногами—вернее, изо всех ног—голосовала за конец войны...

Имели мы в Вязьме и фабричных рабочих. Там были довольно значительные фабрики и заводы.

Население города, вместе с войсковыми частями, достигало 60.000 человек.

Ранней весной 1917 г. т. Г. С. Овсянник организовал в Вязьме об'единенную организацию, в которую входили все вяземские с.-д. В мае в этой организации произошел раскол.

Яблоком раздора стало отношение к Временному правительству. Главными оппонентами выступали—от большевиков т. Овсянник, от меньшевиков—вяземский с.-д. периода 1905—08 г. г.—Плотников.

Дискуссия закончилась уходом из организации 7-ми большевиков. Остальные члены организации, огромное большинство, пошли за меньшевиками.

Малочисленная большевистская группа стала энергично работать над идеологическим завоеванием рабочей и солдатской Вязьмы. Из малочисленной группы был создан т. Овсянником агитпроповский штаб, охвативший своими идейными щупальцами весь живой и активный „человеческий материал" Вязьмы.

Сам Герасим Сергеевич Овсянник—ныне покойный (умер в 1921 г., заразившись на фронте тифом)—был весьма одаренный, энергичный и преданный делу большевик.

Видевшие т. Овсянника на трибуне рисуют его таким:

Среднего роста, в военной шинели (был офицером), пряди длинных волнистых волос лезут на лоб, глаза горят от гнева и возбуждения. Рассекает воздух вытянутой рукой, негнущейся в кисти от полученного на фронте ранения.

Бурно льется его речь, голос звенит сталью и на высокой ноте обрывается страстным призывом „За власть Советов!".

Правой рукой т. Овсянника был Александр Яковлович Троицкий—старый студент и бывший офицер.

Небольшого роста, худощавый, с густой шевелюрой, с вдумчивым, спокойным лицом, методичный, твердый и при всякой обстановке невозмутимый.

Г. С. Овсянник умел подбирать людей.

Вот т. Гулов—рядовой солдат, обладавший ораторским дарованием, своими выступлениями много сделавший среди солдатской массы для пропаганды наших идей.

Далее т. Доделыцев — совершенно неграмотный рабочий, ловкий, проворный, с кипучей энергией и большим революционным темпераментом.

А. Степанов—точнейший исполнитель всех даваемых ему боевых поручений.

Наконец, Владимир Вагнер,—старый большевик, русский рабочий, живший политэмигрантом в Америке. Атлет, одной своей фигурой служивший хорошей иллюстрацией к представлению о силе и мощи пришедшего к власти рабочего класса...

При разоружении казаков на ст. Дерякино, он твердой поступью вел за собою в бой спокойно доверявшихся ему людей.

Среди женщин выделялись — Анна Константиновна Штарева—старая революционерка, и Елена Константиновна Овсянник. На них лежала вся протокольная работа заседаний и собраний, которая не давала им покоя ни днем, ни ночью.

Несколько хуже, чем в Вязьме, обстояли дела нашей организации в Рославле. Но все же и в Рославле боль-

Вяземский Ревком.

Тов. Додельцев.

Тов. Вагнер.

Тов. Овсянник.

Тов. Штарева.

шевикам удалось получить на выборах в городскую думу 15 (28) августа столько голосов, что не хватило большевиков в кандидатском списке, и ряд мест в думе не мог быть нами заполнен.

Список включал в себе 11 большевиков, а большинство голосов дало нам право на 20 мест. Результат голосования превзошел ожидания нашей Рославльской организации.

Лидерами Рославльской организации были — врач Николай Николаевич Конопадский и солдат т. Носов.

Вязьме и Рославлю уступали Ельня (во главе большевиков стоял тогда ветеран пятого года т. Семен Варфоломеевич Иванов), г. Юхнов (Иван Андреевич Андреев) и г. Гжатск (т. Михаил Петрович Ремизов).

Совсем плохо обстояло у нас дело в Дорогобуже. Большевистской организации в Дорогобуже не было до весны 1918 года. Были отдельные большевики.

Служил в Дорогобуже в учебной команде 121 запасного полка Александр Федорович Мясников, работник крупного масштаба, погибший в 1925 г. при автомобильной катастрофе. Он читал лекции и выступал на митингах. К нему обращались товарищи за раз'яснениями вопросов текущей политики. Но он не успел пустить глубоких корней в Дорогобуже. После июльских дней начальство выпроводило его из Дорогобужа.

Были в Дорогобуже еще одиночки, ведшие агитацию в большевистском духе, — екатеринославский рабочий И. Г. Ефимов и кронштадтский рабочий И. Трофимов (оба из крестьян Дорогобужского уезда). Но эта агитация велась ими за свой риск и страх. С партией они не были связаны.

Большевистская организация сформировалась в Дорогобуже лишь в апреле 1918 г., после того, как демобилизация старой армии была уже почти закончена и в уезде появилось много солдат, активно участвовавших вместе со своими частями в февральском и октябрьском переворотах. Эти солдаты вернулись домой переродившимися новыми людьми и, как более бойкие, подвижные и опытные в таком новом деле, как революционное строительство, они как-то, само собой, становились во главе всех общественных учреждений и организаций. Вот эти-то „серые шинели" и составили основное ядро нашей организации в Дорогобуже.

В условиях слабой организованности и малого количественного веса особенно выпуклой и значительной должна была быть „роль личности" отдельных товарищей, выделявшихся своей теоретической подготовленностью, практической сметкой, смелостью и работоспособностью.

Пробуждавшаяся к политической деятельности масса слала вперед свой авангард, прокладывавший ей дорогу и облегчавший ей путь к Октябрю.

Канун Октября.

Положение с продовольствием все ухудшалось. Угроза голода из месяца в месяц все сильнее нависала над Смоленском и губернией.

Так, в июне месяце подвоз ржаной и пшеничной муки достигал 600 вагонов, в июле он снизился до 423 вагонов, а в августе дополз до 97 вагонов. По плану же снабжения Смоленская губерния должна была получить на август месяц ржи и ржаной муки 420 вагонов и пшеничной 80 вагонов. Снабжать нашу губернию продовольствием должны были Курская, Тамбовская, Воронежская, Полтавская и Таврическая губернии. А они не снабжали.

Все продовольственные и общественные организации на своих заседаниях констатируют наличность и рост хозяйственной разрухи, которую никакими мерами преодолеть не удается. О надвигающемся голоде вопиют продовольственные управы, городские думы и Советы депутатов. Однако, положение делается все хуже и нужда все острее, становясь к октябрю катастрофическими.

Так, например, Вяземский уездный продовольственный комитет телеграфирует Смоленскому губернскому продовольственному комитету, что в уезде начались голодные бунты, молит губернию об отпуске уезду тридцати вагонов ржи. А Сычевская уездная продовольственная управа слагает с себя полномочия после того, как голодной толпой был избит до полусмерти председатель продовольственной управы. И тут же комический штрих к драматической картине: „Желающих заменить управу,—простодушно добавляет телеграмма,—нет". Ну, где же им в такой обстановке быть, когда продовольственное начальство избивается до полусмерти!

Во всех районах Рославльской волости ощущалась уже в июле острая нужда в хлебе. Многие семьи голодали. Волостным комитетом и прод. комиссией принимались по устранению продовольственного кризиса довольно энергичные меры, но удовлетворить всех просящих не представлялось никакой возможности.

К моменту переворота Смоленская губерния располагала продовольствием всего на несколько дней. А пайки давным давно были доведены до голодной нормы. Не только

население, но и солдаты, которых боялись и перед которыми заискивали, были сильно сокращены в своем потреблении.

Так, с 10 сентября солдаты стали получать половинные, против прежнего, пайки.

Производственная разруха давала себя чувствовать еще до октября. Об этом красноречиво свидетельствует один сохранившийся документ за подписью Смоленского Комиссара Министерства Труда, меньшевика С. П. Шура. В этом документе, относящемся к июлю месяцу 1917 года, Шур обращается к правлениям профсоюзов и фабзавкомам Смоленска и Смоленской губернии, заявляя, что „за последнее время сильно пала производительность труда". Утрата производительности доходит до 80%, т.-е. достигает одной пятой прежней нормы.

* * *

А большевистские организации на Смоленщине все больше обрастали массой сочувствующих. Наши лозунги находят себе живой отклик в крестьянских и солдатских массах, тесно смыкающихся с пролетарскими элементами наших организаций. И уже в предоктябрьский период один Совет за другим в нашей губернии выносят резолюции о переходе всей власти в руки Советов.

Растет большевистская фракция в Смоленском Совете. Когда из Совета механически выбывали делегаты, то заменявшие их новые делегаты обычно были большевики.

В сентябре нашей организацией была поднята широкая кампания среди рабочих и солдатских масс за отзыв соглашательских (меньшевистских и эсеровских) депутатов из Совета. Кампания увенчалась успехом. Военные части тяжелого артиллерийского дивизиона, расположенного в окрестностях Смоленска, отозвали из Совета своих депутатов-соглашателей и послали вместо них большевиков. То же сделали рабочие завода „Вилия", трамвайной станции и водопровода.

Исполком подал в отставку, мотивируя свое решение тем, что он бессилен „ныне бороться с возникающим стихийным уклоном", бессилен „внушить массам сознание всей гибельности этого уклона".

23 сентября (6 октября) состоялись выборы нового Исполкома. В него вошло 10 меньшевиков, 12 социал.-революционеров, 5 большевиков.

К началу октября большевистские резолюции стали проходить в Совете абсолютным большинством. А когда большевистская фракция решила снять председателя Совета меньшевика Гальперина, то это ей удалось, и председателем был избран большевик Самовер.

В первый период Смоленского Совета большевиков в нем было 2—3 депутата. К августу достигли числа 18—20 человек, а после корниловской авантюры, в дооктябрьский период, мы переросли половину Совета, имея в нем свыше 50 депутатов.

На II С'езд Советов были избраны 18 октября тов. Смольянинов, лидер смоленских большевиков, и М. И. Смоленцев, тогда еще левый социал.-революционер, вскоре перешедший к нам. 20 октября в Смоленске ожидалось выступление большевиков. Властями были приняты меры. Усилены наряды милиции, по улицам раз'езжали конные патрули. Моргойт, нач. милиции, несколько раз в этот день производил об'езд города. В некоторых учреждениях были усилены караулы, солдаты не должны были выходить без записки из ворот казармы.

Меньшевики и социал.-революционеры не дремали. Тов. Смольянинов утверждает, что к этому времени „вожди эсеров и меньшевиков вели предварительные переговоры с кадетствующей буржуазией и с военными верхами о необходимости и возможности вооруженного подавления восстания смоленских рабочих и солдат".

„Не знаю,—добавляет тов. Смольянинов,—можно ли это подтвердить документальными данными, но я лично не сомневаюсь, что наиболее правые вожди меньшевиков и эсеров и наиболее из них активные, как, например, Подвицкий, Бухштаб (социал.-революц.), Давидович, Шур, Гальперин, Маргарита Цапенко и др. меньшевики вели тогда уже переговоры с казачьими офицерами и генералами, которых было в Смоленске очень много, а также с вождями кадетствующей буржуазии"...

При этом тов. Смольянинов отмечает, что меньшевики были об'ективно контрреволюционерами, а лидеры социал.-революционеров Бухштаб и Подвицкий—суб'ективно, сознательно шли на вооруженное подавление, на жестокое кровопускание смоленским большевикам.

Конечно, документальных данных нам здесь не сыскать. Переговоры, о которых сообщает тов. Смольянинов, если они действительно велись, происходили за закрытыми дверьми, а о протоколах, письменных договорах и пр., разумеется, и речи здесь не может быть. Единственно на что история может уповать, это на то, что некоторые из тех лиц, с которыми вожди смоленских меньшевиков и социал-революционеров тогда вели переговоры о „спасении" революции, когда нибудь, когда пройдут все сроки исторической давности, расскажут об этом в своих посмертных мемуарах. Тогда обнаружится, был ли прав в своих предположениях и догадках тов. Смольянинов.

* * *

В Смоленске стоял тогда штаб Минского военного округа. Комиссаром округа был правый эсер Галин, прославившийся за разгон Совета в г. Калуге. При штабе округа были стойкие белогвардейские части—Кубанская казачья дивизия, броневики и сводный белогвардейский полк из находившихся в Смоленске учебных команд юнкеров, вольноопределяющихся, кадет и др. На стороне революционного пролетариата были: часть Смоленского гарнизона, 1-я тыловая автомобильная мастерская, караульный баталион, легкая артиллерия и дивизия тяжелой батареи. Кроме того, весьма сочувственно относились к нам мелкие отряды и авиац. парк.

22 октября революционный штаб, состоявший из 15 большевиков (рабочих и военных спецов), решил захватить арсеналы, расположенные на Склянной горе.

В ночь с 24 на 25 октября был послан отряд в сто человек под командой солдата Феодосия Иванова. Завладеть складом ему не представилось никакой трудности, т. к. охранявшие его солдаты охотно сдали ему оружие и ключи.

26 октября на заседании Совета меньшевики и эсеры потребовали от Совета резолюции, порицающей выступление пролетариата Петрограда и Москвы. Резолюция была провалена. Тогда меньшевики и эсеры демонстративно покинули заседание и в тот же день, совместно с комиссаром Галиным и казачьими офицерами, организовали „Комитет Спасения“, избравший своим местопребыванием здание городской думы.

После ухода из Совета соглашателей решено было, по предложению т. Иоффе, создать военно-революционный комитет. В него вошли четыре большевика—т.т. Гетнер, Иоффе, Ковалев и один витебский товарищ, два левых эсера—т.т. С. Бобрышев и М. Смоленцев, и один анархист—Наркевич. Председателем был избран т. Иоффе. Ревком немедленно приступил к работе. Была налажена и упрочена связь с воинскими частями. Немедленно организовали вооружение рабочих завода „Вилия“ и печатников из арсенала на Склянной горе.

В здании Совета были установлены Ревкомом пулеметы, привезены винтовки, ручные гранаты, патроны и пр.

Но нам не хватало пехоты, при наличии которой можно было охватить кольцом город и дать прикрытие батареям. Ревком учел это обстоятельство, и т.т. Бобрышев, Иоффе и Сафронов отправились за помощью в Рославль, запасные части которого были на нашей стороне.

Рославльский Ревком послал нам на подмогу пехотинцев, но они дошли только до ст. Починок. Там контрразведка штаба округа узнала об их намерениях и задержала их в пути.

Наши враги не бездействовали.

Немедленно по получении известия о происшедшем перевороте Смоленская городская дума собралась 26 октября (8 ноября) на экстренное заседание и приняла постановление выпустить воззвание к населению.

Приведем здесь (с небольшими пропусками несущественных мест) это характерное воззвание:

„Граждане, отечество гибнет!

Большевики и анархисты хитрыми, ложными посулами увлекши за собой малосознательные массы, подняли восстание против единственной законной власти, власти Временного Правительства.

Они ставят свою волю, волю кучки безумцев—выше воли всего народа.

Бунтовщики захватили вооруженной силой правительственные учреждения.

Члены Временного Правительства, находившиеся в Петрограде, арестованы и заключены в Петропавловскую крепость. Глава Правительства Керенский находится в армии и организует защиту отечества против безумного восстания, которое повергает страну в ужасы братоубийственной войны и отдает ее во власть грозного внешнего врага.

В этот час тяжелых испытаний граждане должны сосредоточить свою мысль, весь свой разум и свою волю на одном—на спасении родины и революции.

Мы признаем преступными узурпаторами, врагами родины и революции всех, кто насильственно устраняет правительство и захватывает власть в свои руки.

Офицеры и солдаты! Городская дума призывает вас сплотиться вокруг нее под святым знаменем революции во имя лозунгов демократии. Дума заявляет, что сохранение завоеваний великой Российской революции возможно только при полной поддержке Временного Правительства, против которого поднят бунт.

Дума утверждает, что безумное большевистское восстание влечет к неминуемой гибели свободы родины.

Дума об'ясняет, что она ни на одну пядь не сойдет с занятой ею позиции—всемерной поддержки Временного Правительства и его представителей на местах и призывает всех граждан, солдат и офицеров,—требует от них деятельной помощи.

Документы эпохи.

СМОЛЕНСКІЙ СОВѢТЪ РАБОЧИХЪ и СОЛДАТСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ

ЧЛЕНСКІЙ БИЛЕТЪ № 67

Фамилія: Иоффе

Имя и отчество: Семенъ Самуиловичъ

Откуда дефектированъ: РСДРП

Предсѣдатель Совѣта: [illegible]

Секретарь Совѣта: [illegible]

[illegible]

Делегатскій билетъ № 19

ВРЕМЕННЫЙ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦІОННЫЙ КОМИТЕТЪ ЗАПАДНАГО ФРОНТА.

6 [illegible] 1917 г.

г. Минскъ

Предъявитель сего [illegible] Иоффе

членъ Военно-Революціоннаго Комитета Западнаго Фронта отъ [illegible]

Членъ Мандатной Комиссіи [illegible]

Секретарь [illegible]

Граждане, офицеры и солдаты, будьте стойкими, мужественными защитниками освобожденной России и освобожденного трудового народа. Не поддавайтесь призыву безумцев-большевиков, сулящих вам немедленный мир; не верьте, что они могут наладить хозяйственную жизнь страны и побороть продовольственную разруху.

Все это ложные надежды безумцев или лживые посулы врагов революции, народа.

Идя за этими призывами, вы губите Россию, себя и все свободы.

Вы отдадите себя, детей, родину во власть кровавой анархии и торжествующих сторонников старого самодержавного строя.

Граждане, смоленские офицеры и солдаты! Настал последний час испытаний, столкнулись силы революции с силами ей враждебными, и мы, законные избранники ваши, призываем всех сплотиться вокруг думы и Временного Правительства, чтобы дать отпор безумным и сознательным врагам родины и революции".

Теперь, по прошествии 10 лет, когда читаем этот документ, мы хорошо знаем, кто тогда стоял за революцию и кто только лживо клялся ее именем. Теперь-то всякий понимает, чью волю творили большевики в октябре 17 года: свою ли волю к власти или волю измученной войной, голодом и разрухой страны. Теперь каждый знает, были-ли то „лживые посулы" или мы, действительно, дали стране мир, покончили с разрухой, наладили хозяйственно-экономическую жизнь и строим социализм.

История рассудила и произнесла свой приговор. Но в тот момент, 10 лет тому назад, это горячо и умело составленное воззвание должно было взбудоражить колеблющихся, зажечь их ненависть к „безумным и преступным" большевикам.

А в ночь на 28 октября (10 ноября) отряд вооруженных казаков в сообществе с социал.-революционерами Антоневичем и Бухштабом и с меньшевиком Виноградовым ворвались в авиопарк и обманом отобрали 41 пулемет, гранаты и бомбы.

Милиции было отдано приказание привести себя в боевую готовность, дабы разбить и уничтожить „шайку" большевиков. Ревком 29 октября получил достоверные сведения, что „Комитет Спасения" собирается разогнать Совет, разоружить революционный гарнизон и арестовать активных большевиков. „Комитет Спасения" развил сильную агитацию среди „нейтральных" частей инженерного полка и баталиона польского национального полка.

Переворот в Смоленске.

30 октября (12/XI). 8 час. вечера. Заседание Смоленского Совета рабочих и солдатских депутатов. М. И. Смоленцев, высокий, худой, нервный, порывистый, рассказывает жадно ловящей каждое слово аудитории о том, что произошло пять дней тому назад в столице.

Вдруг, в самый патетический момент, когда воодушевление оратора и аудитории достигает высшего предела, в залу входят три человека—двое военных и один штатский. Последний, с.-р. Казаков, решительными шагами подходит к трибуне, прерывает оратора и громко заявляет: Мы, делегаты „Комитета спасения революции", посланы заявить вам: немедленно сдайте имеющееся у вас оружие, очистите помещение и разойдитесь. Если не согласитесь на это добровольно, мы вас заставим силой. Мы достаточно для этого сильны. На всю эту процедуру даем вам полчаса времени. Ровно через 30 минут, если наш ультиматум не будет выполнен, начнется казаками обстрел этого здания".

Едва делегаты окончили свою речь, как вся небольшевистская публика — человек 200 — поднялась и ушла. Осталось человек 60 большевиков и сочувствующих нам.

На трибуну подымаются т.т. Альперович и Бобрышев. Они говорят: „Комитет с казаками сильнее нас. Они нас раздавят. Это будет совершенно бесполезным кровопролитием. К тому же Смоленск вообще судьбы революции не решит. Она будет решена в столицах. К чему напрасные жертвы? Давайте разойдемся. Как следует приготовимся и тогда примем бой, а не теперь, когда нам его навязывают в невыгодный для нас момент".

Эти доводы, к тому же произнесенные с убежденностью и скрытой болью искреннего революционера, уверенного в необходимости отступления для блага же революции, производят сильное впечатление на публику, приходятся ей по сердцу. И когда к выходным дверям решительно направляются т. т. Альперович, Бобрышев, Гетнер, Самовер и Смоленцев, то за ними потянулось большинство собрания.

В этот критический момент выступает т. Иоффе.

Осаждаемый Смоленский Совет.

Высокий, стройный, с тяжелым взглядом глубоких проницательных глаз, твердый, решительный, быстро ориентирующийся в положении, он возбужденно и громко говорит:

— Может быть вы и правы, у нас гарантии нет, что победим. Но социальная революция стоит того, чтобы и при неполной уверенности в успехе мы пожертвовали для нее нашими ничтожными жизнями. Если-бы даже вы все ушли, я поста своего не покину и на нем, если понадобится, умру за революцию. Кто со мной—сюда!

К трибуне потянулась группа смельчаков и сгрудилась вокруг нерастерявшегося в опасный момент большевика.

По уверениям некоторых мемуаристов, этот „естественный отбор“ лучших дал группу в 27 человек. Некоторые упоминают цифру 30—40.

Из толпы, покинувшей Совет, казаки выбрали наиболее известных в городе вожаков, арестовали их и увели в городскую думу, где помещался пресловутый „комитет спасения“. В группу арестованных попали т.т. Альперович, Бобрышев, Гетнер, Самовер и Смоленцев. Комиссар Галин, входивший в „комитет“, оставил их заложниками в здании думы.

* * *

Группа „27-ми“ вручила т. Иоффе диктаторские полномочия. В оставшиеся до истечения срока ультиматума несколько минут он роздал товарищам винтовки, расставил их у окон здания, велел приготовить пулеметы и руководить пулеметным огнем поручил т. Шкандину.

В последнюю минуту обнаружилось, что оружия и припасов в Совете чрезвычайно мало, и т. Иоффе отрядил 4-х товарищей: Ефимова, Ковалева, Крюкова и Озолина за подмогой, посоветовав им пробраться, незаметно для казаков через темные аллеи сада, окружавшего здание Совета.

Затем „диктатор“ распорядился выключить электричество.

Срок ультиматума истек. Враг открыл военные действия.

Первый „подарок Совету“—первый пулеметный огонь был пущен из подходившего к зданию Совета снабженного пулеметом автомобиля Губернской Земской Управы. Это послужило сигналом для расположенных в саду Блонье казаков. На Совет посыпались разрывные пули. Заодно с казаками против большевиков действовали и польские легионы.

* * *

2 часа ночи. В Совет пришла делегация „комитета", социал.-революционер Подвицкий и меньшевик Шур в сопровождении тов. Смоленцева. Последний стал уговаривать группу „27-ми" сдать оружие и очистить помещение. „Тогда жизнь ваша будет спасена и не будут расстреляны те т.т., которые попали в руки комитета в качестве заложников".

Тов. Иоффе ответил, что Совет не посылал делегатов в „комитет" и не несет моральной ответственности за последствия их самовольного ухода. Ультиматум же „комитета" защитники Совета попрежнему отвергают.

Делегация ушла, и стрельба возобновилась с новой силой.

Положение было чрезвычайно критическим. Посланные за помощью в авто-базу и к артиллеристам товарищи еще не вернулись. Оружия мало, патроны на исходе, обстрел усиливается.

* * *

3 часа ночи.

Около здания Совета стоит какой то захудалый миномет, дуло которого направлено на здание городской думы. К этому миномету из здания Совета под жгучим пулеметным огнем подбегает тов. Наркевич. Дернул за шнурок. Миномет выстрелил. Разорвавшаяся мина произвела бешеный эффект. В думе погасло электричество и заседавшие там члены „комитета спасения" перепугались на смерть.

Рассказывали, что многие из „героев - спасителей" попрятались под столами и диванами.

Вслед за тем т.т. из тяжелого артиллерийского дивизиона, до которых дошел крик о помощи Совету через наших эмиссаров (Ефимова, Ковалева, Крюкова и Озолина), произвел два демонстративных выстрела по центру города. Снаряды взорвались над садом Блонье, как раз напротив здания городской думы, и довершили тот эффект, который получился от мины тов. Наркевича. Окружавшие Смоленский Совет казаки миной и артиллерийскими снарядами были выведены из строя и стали в панике разбегаться. Через короткое время после выстрелов в Совет, по сообщению некоторых мемуаристов, явилась делегация во главе с меньшевиком Шур и социал.-революционером Подвицким и обратилась к тов. Иоффе с предложением прекратить стрельбу и пойти в думу для переговоров о заключении почетного мира.

Т. Иоффе уехал и вернулся победителем. По его требованию были немедленно освобождены арестованные товарищи, сняты казачьи посты, а участвовавшие в бою части, по заключенному соглашению, должны были быть отведены за город.

Все мемуаристы сходятся на том, что руководителем и вдохновителем в сражении между Смоленским Советом и казаками, „душой этого дела" был т. Иоффе (Смольянинов, Крюков, Ковалев, Лукьянов).

Следует отметить героизм, проявленный в ту ночь т. т. Юрием Гончаровым, Наркевичем, Сидоренко и Хазберашвили. Это подтверждается рядом показаний участников. Имеются также воспоминания о неустрашимости и спокойной решимости т. т. Шкандина и Колосова.

Представитель от школы шоферов т. т. Шкандин и Николай Колосов бегали во время боя по зданию Совета, в окна которого летели пули, исправляли задержки у пулеметов, подносили пулеметчикам патроны и ленты, проверяли цепи и посты у дверей и земляного вала, проходившего у западной части здания, самоотверженно выполняя команду т. Иоффе.

* * *

Вопреки заключенному с нами под утро 31 октября (13 ноября) соглашению, „комитет спасения" двинул казаков к Мейеровскому шоссе и к деревне Боровой с целью захвата артиллерии. Из-за артиллерии ведь проиграл комитет ночное сражение.

На помощь нашим батарейцам выступил караульный баталион.

Рассыпавшись цепью на западной окраине города, караульный баталион удачным маневром охватил правый фланг цепи казаков и повел на них наступление с тыла. Не выдержав неожиданной стремительной атаки караульного баталиона, казачьи части стали отходить влево и рассыпаться по улицам города. Тогда баталион бросился на казаков в штыки и вынудил их к позорному бегству. Тов. Иоффе в своем письме от 12/X—27 г. говорит, что эта атака казаков была доблестно отбита т. Ефимовым.

Был и такой эпизод.

На углу Потемкинской улицы стояли казаки с пулеметами, а позади их—казачья кавалерия. К ним направился т. Иоффе, один, без отряда. Вплотную подошел к пулеметной команде и обратился к ней с речью. Когда он кончил, большая часть казаков изъявила согласие сдаться.

Казаки были деморализованы своим ночным поражением и тем, что, сдаваясь нам, они демобилизуются.

В их разоружении нам оказали существенную помощь солдатские дружины первой тыловой авто-мастерской. К этому делу их привлек пользовавшийся среди них большим влиянием (лидер смоленских большевиков) тов. Смольянинов. В. А. Смольянинов вернулся утром 31 октября (13 ноября) из Питера со II С'езда Советов, на который он 18 (31) октября был делегирован Смоленским Советом.

Смоленский военный комиссар Временного Правительства эсэр Галин и губернский комиссар Ефимов 1-го ноября поспешили покинуть непокорный Смоленск.

Сквозь меньшевистские очки.

Бывший председатель Смоленского Совета всего соглашательского периода (до перевыборов 29 октября) С. Е. Гальперин в присланных им нам воспоминаниях утверждает, что „меньшевики не только не готовились к какому-нибудь физическому отпору на случай возможного столкновения, но ни на одном своем собрании не пробовали даже ставить таким образом вопроса".

Смоленские меньшевики чувствовали,—признается С. Е. Гальперин,—что их „влияние на жизнь города и его дальнейшую судьбу от них уходит, что масса перестала их слушать и движется какими-то своими особыми путями. Но как повернуть ее в другую сторону и поставить на желательный им путь, этого они не знали".

С. Е. Гальперин утверждает также, что столкновение между „Комитетом Спасения" и Советом в ночь под 31 октября носило совершенно случайный характер. „Через город,—рассказывает С. Е. Гальперин,—по дороге с Западного фронта к себе на родину проходил отряд казаков. Он остановился в городе на отдых. Тогда кому то из членов думы пришла в голову мысль использовать этот отряд казаков, чтобы при его помощи сохранить в городе порядок и без особых потрясений дождаться решения общего вопроса о власти в стране".

В этом сообщении имеются две неясности. Во-первых, говоря о казаках, автор мемуаров не упоминает про тех Кубанских казаков, которых Смоленск знал долгими месяцами и которые выносили еще в июле резолюцию против большевиков и за соглашательский Совет (у нас об этом говорилось выше и приводилась резолюция).

Во-вторых, не об'яснено, о каком сохранении порядка заботился новообразовавшийся „Комитет Спасения", ошибочно называемый автором воспоминаний „комитетом общественной безопасности". Против кого он считал необходимым охранять порядок при помощи казачьей вооруженной силы и каких „особых потрясений желали избегнуть лица, вошедшие в „Комитет Спасения", в числе которых был С. Е. Гальперин.

Это тем более загадочно, если мы припомним, что автор говорил в начале своих мемуаров о „непротивлении“ меньшевиков, которые вовсе „не готовились к какому-нибудь физическому отпору на случай возможного столкновения“.

Здесь у С. Е. Гальперина большая неувязка.

* * *

Член „Комитета Спасения“ С. Е. Гальперин в своих мемуарах подтверждает тот факт, что среди находившихся в здании думы наших противников „орудийная стрельба произвела смятение“.

Один из снарядов угодил,—свидетельствует С. Е. Гальперин,—в угол крыши думы, сорвал его и разбил окно, ранив во дворе думы несколько казаков.

Об арестованных в зданий думы большевиках С. Е. Гальперин рассказывает, будто „они были испуганы и растеряны не меньше тех, кто их арестовал“. Когда к ним зашел С. Е. Гальперин, „они, видимо, очень обрадовались и начали спрашивать, что с ними будут делать“.

Это сообщение С. Е. Гальперина о трусости и страхе за себя, проявленных арестованными большевиками, что-то не вяжется с той храбростью, которую Бобрышев, Гетнер и Смоленцев позже проявили на фронтах гражданской войны. Они могли ошибаться и брать неправильную линию, но в личном мужестве им отказать нельзя.

Большего доверия заслуживает дальнейший рассказ С. Е. Гальперина о своей поездке к артиллеристам. С целью добиться от последних прекращения стрельбы, Гальперин повез к ним с собою большевика Самовера.

Артиллеристы встретили делегатов весьма враждебно. Им не дали сойти с лошадей, а стянули за полу. Когда Гальперин, еще не входя в помещение казармы, заявил, что приехал с поручением от „Комитета“ требовать прекращения стрельбы по городу, то сразу же поднялся страшный шум и крики. По его адресу и адресу Комитета стали раздаваться разного рода угрозы. В помещении казармы его окружила густая толпа солдат. „Присматриваясь к их лицам,—рассказывает С. Е. Гальперин,—я все больше убеждался в той неприязни, с которой они относились ко всем антисоветским группировкам. Лица у всех воспаленные, глаза блестят, в руках у всех без исключения винтовки, хотя по положению у артиллеристов их не должно быть“. С. Е. Гальперин предложил избрать председателя и приступить к обсуждению

его предложения о недопущении в дальнейшем стрельбы по городу.

„Каково же было мое изумление,—повествует С. Е. Гальперин,—когда выбранный председатель поставил сначала не мое предложение, а вопрос о том, что делать со мною,—отпустить или расстрелять. Сторонников второго предложения было огромное большинство и они говорили, что меня ни в коем случае нельзя выпускать, что я наиболее видный контрреволюционер, что я пригласил казаков и сейчас расстреливаю рабочих по городу, что стоит мне только отсюда уехать, и я выпущу на них своих казаков и т. д.“.

Самовер, который по характеру взятой им на себя миссии и по своему званию (председатель Совета р. с. и к. д.) должен был-бы вмешаться в это дело, держался, однако, в стороне и никакого участия в нем не принимал. Он не произнес за все время ни одного слова. „Он, как вполне правдоподобно сообщает С. Е. Гальперин, как-то вообще осел и стал незаметен“. Гальперину пришлось самому выпутываться. Он произнес примирительную речь, и ему было заявлено, что стрельбы по городу больше не будет и что он свободен. Но при условии, что он через 2 часа привезет целым и невредимым находившегося в здании Совета депутата от артиллеристов. Если же он его не доставит, то артиллеристы возобновят стрельбу.

Гальперин достал этого депутата и, как он уверяет, в сопровождении т. Иоффе доставил его на грузовом автомобиле в артиллерийскую казарму. Иоффе сказал артиллеристам, что они слишком поторопились, отказавшись от своего права на стрельбу. Сейчас, правда, в этом необходимости нет. Но такая необходимость может наступить каждую минуту. Он рекомендовал стрелять по думе и дворянскому собранию, в которых сосредоточены контрреволюционные силы города.

По словам С. Е. Гальперина, в 5-м часу утра, когда он ездил с т. Иоффе в артиллерийские казармы, казачий отряд уже был снят с Блонья приказом казачьего полковника, недовольного тем, что „Комитет Спасения“ не разрешал наступления на Совет. В 6 час. утра во всем здании думы не было ни души. Ни „Комитета Спасения“, ни арестованных большевиков, ни казаков во дворе, ни думской прислуги—никого.

Тов. Иоффе категорически утверждает, что он в ту ночь никуда с С. Е. Гальпериным не ездил.

XV. Переворот в Вязьме.

Вяземская организация получила 24 октября (6 ноября) от Московской областной нашей организации условную телеграмму, смысл которой был: Начинайте. Боевой комитет приступил к делу.

Железнодорожному телеграфисту Михаилу Бочарову и слесарю В. Вагнеру было поручено немедленно захватить почту и телеграф. Тов. Вагнер рассказывает об этом эпизоде следующее:

„При свете электричества немолчно стрекотали аппараты. За аппаратами склоненные фигуры чиновников. Фигуры при появлении 2-х большевиков выпрямились, на лицах испуг и растерянность. Громко отданное от имени Ревкома приказание—и чиновники беспрекословно подчиняются".

Из 16-го № Смоленских „Известий" мы, однако, узнаем, что вяземские телеграфисты отказались работать под контролем Исполкома Совета (доклад Гиро). Возможно, что отказ последовал позже, когда и вяземские телеграфные чиновники примкнули к общему саботажу.

Рабочие Вязьмы взяли в свои руки все заводские предприятия и избрали завкомы.

Вслед затем были организованы комиссариаты. Во главе почты и телеграфа стал Бочаров, комиссаром банков был назначен слесарь маслобойного завода Синягина т. Вагнер, комиссаром труда — т. Зверев. Председателем Верховного Трибунала был послан т. Гулов, а для борьбы с контрреволюцией был поставлен т. Баевский.

Хозяином Вязьмы стал Ревком, и без единого выстрела. Крупная буржуазия „на время" (на 2 недели, как она надеялась) поспешно скрылась из города.

* * *

Теперь Вяземским товарищам предстояла задача не допустить продвижения реакционных воинских частей на Москву и Питер.

Июльские дни в Питере потому и не могли стать тем, чем стало для нас 25-ое Октября, что 5 (18) июля в Питер стали прибывать из провинции войска, верные Керенскому и Временному Правительству.

Удержание таких частей в провинции подальше от центра восстания было для нас задачей первостепенной важности. А тем более вовлечение колеблющихся войсковых частей в орбиту большевизма.

Такое вовлечение облегчало захват власти на местах, обеспечивало удержание таковой и открывало широкие возможности к немедленному переустройству жизни и аппарата управления.

В активном участии провинции заключается одна из основных особенностей, отличающих наш Октябрь от предшествовавших ему Парижской Коммуны (1871 г.) и июньских дней (1848 г.). Коммуной и пролетарским движением, завершившимся июньской бойней, была захвачена одна лишь столица. В столице гремели витии и кипела война, а в глубине страны царили тишина и пассивное выжидание. Отрезанность столицы от провинции в значительной мере обусловила поражение революционно-пролетарского движения 1848 и 1871 г.г. Не то было у нас к Октябрю 1917 года.

Благодаря экономической разрухе, продовольственному голоду и бившей через край волне обостренной классовой борьбы, широко развернувшейся на фоне февральской революции, в кипучий водоворот политических страстей была вовлечена вся потрясенная в своем основании страна.

И катившийся девятый вал революции встречал на своем пути разбуженные народные массы, рвавшиеся к творчеству.

Судьба революции определялась не одним лишь центром, а всей периферией в целом. Наша губерния служит очень выразительной к тому иллюстрацией.

На Смоленщине было чрезвычайно важно для успеха восстания захватить железнодорожные узлы (Смоленск и Вязьму), дабы не дать контрреволюционным частям войск продвинуться к центрам революции, Питеру и Москве. А в Октябрьский период, когда армия энергично - стремительно „голосовала ногами“ за окончание империалистической бойни, Смоленск и Вязьма были крупнейшим этапом, через который проходили вглубь страны огромные солдатские массы.

Центральные учреждения нашей партии прекрасно сознавали опасность, грозившую успеху октябрьского восстания со стороны несознательных кадров армии, расположенных в провинции. И Московский областной комитет партии направил ряд эмиссаров на места, являвшиеся подступами к Москве. Между прочим, в Тулу был послан тов. Владимир Максимовский (ныне профессор и один из редакторов издающегося при Коммунистической Академии журнала „Власть Советов“). А на Смоленщину был командирован тов. Иоффе.

Большевистской организации предстояло справиться с той грозной силой, которая могла обратиться против нас, обезвредить ее и предотвратить поход на Москву и Питер.

Задача эта была выполнена, и Смоленск сыграл свою роль в революции, вписав славную страницу в историю Октября.

В Вязьме с этой задачей хорошо справились вяземские товарищи во главе с покойным т. Овсянником.

29 октября (11 ноября) прибыли на ст. Редякино, в 9-ти верстах от Вязьмы, три эшелона казачьих войск. Они намеревались с этой станции направиться пешим строем в Вязьму.

Двигаясь на город, казаки беспорядочно стреляли и наводили страх и ужас на население.

Поддаваясь общему паническому настроению, некоторые члены Боевого Комитета сдались на уговоры мягкотелых примиренцев, боявшихся „бесполезного кровопролития". Большинством одного голоса против яростно боровшегося с таким решением тов. Овсянника, комитет послал одного делегата в Редякино для мирных переговоров с комсоставом казаков. Последний, однако, отказался от всяких переговоров с большевиками и использовал присутствие делегата для пропуска эшелонов на ст. Вязьма. Нахождение при эшелоне представителя от Боевого Комитета обеспечило эшелону беспрепятственный пропуск.

Когда т. Овсянник и его группа, оказавшаяся в меньшинстве Боевого Комитета, увидели, какой оборот принимает дело, они немедленно организовали пулеметную команду и пехотные революционные части. Став во главе их, т. Овсянник повел наступление на контрреволюционных казаков.

Потеряв несколько человек убитыми и ранеными, казаки, желая оттянуть время и дождаться прибытия других эшелонов, открыли с нами переговоры о перемирии. Т. Овсянник потребовал у них выдачи оружия. Казаки не согласились. Оттесняемые авангардом т. Овсянника к железнодорожному полотну, эшелоны забрались в свои товарные вагоны и там засели.

Но, уступая революционному напору большевистского отряда, казаки молча отдавали оружие, покоряясь неизбежному.

После неудачных попыток других эшелонов прорваться на Москву, контрреволюционные части прекратили движение через Вязьму.

Операции по разоружению эшелонов продолжались несколько дней.

Вяземские товарищи внесли свою лепту в дело защиты Октябрьской революции, не дав контрреволюционным частям вырвать победу из рук только что победившего пролетариата.

Члены Вяземского Ревкома.

Тов. Григорьев.

Тов. Школьников.

Тов. Певзняк.

(погибли на польском фронте).

После боя.

После одержанной нами в ночь под тридцать первое октября победы, Смоленская большевистская организация потребовала немедленного роспуска „Комитета Спасения“ и передачи охраны города Ревкому.

Городская дума отвергла наше требование, заявив, что она не изменит законному Временному Правительству, с большевиками ни на какие соглашения не пойдет и с своей непримиримой позиции ни шагу не сделает.

Однако, в тот же вечер между сторонами состоялось соглашение, в силу которого в Смоленске был организован „Комитет общественной безопасности“. В этот комитет входили представители разных политико-общественных организаций: 4 депутата Совета, 2 думских гласных, 2 от Исполкома Губсовета крестьянских депутатов, 2—Окркома Минского Военного Округа, 1—Губисполкома, 1—от железнодорожников, 1—от почтовых чиновников, 1—от Ц.Б. Профсоюзов и по одному от б-ков, м-ков, с-ров и „Бунда“.

Первое заседание „Комитета“ состоялось 2 (15) ноября. На этом заседании была выдвинута кандидатура т. Смоленцева в коменданты города, и со 2-го (15) ноября он вступил в отправление своих обязанностей.

В Смоленске организация этого Комитета была в сущности излишней. Смоленские товарищи могли бы обойтись без уступок побежденному врагу. Но из Минска была прислана в Смоленск делегация, требовавшая создания паритетного органа из различных социалистических партий.

Решающую роль сыграло здесь также следующее обстоятельство. Соболев, за день-два до того видевшийся с тов. Ногиным, передавал с его слов, что необходим компромисс с социалистическими группами. Как известно, т. Ногин в октябрьские дни на такой точке зрения стоял.

„Комитет общественной безопасности“ всячески старался задержать разгоравшуюся у нас аграрную революцию и, вообще, как говорится, „стоял на тормозе“ Советской власти.

Когда в Минске, через две недели, Советская власть укрепилась, этот навязанный Смоленску Комитет был распущен.

„Комитеты общественной безопасности“ одно время существовали в некоторых уездных городах Смоленской губернии: в Белом, Красном, Дорогобуже и др. К декабрю нигде их не стало. Советская власть окрепла, стала на собственные ноги.

Если сравнительно легко было преодолеть и побороть такое учреждение, как „Комитет общественной безопасности“, то дело обстояло гораздо сложнее с обвеянным романтикой учредительным собранием. В вопросе об отношении к этому учреждению смоленских товарищей не все обстояло благополучно. Так, на VI губс'езде, происходившем 7 декабря 1917 г., председатель Смоленского Совнаркома и с'езда т. Разумов говорил:

„В поступательном движении науки и социологии имеются два периода. Период непреложных законов и закона в силу жизненной интуиции, переходящего грань непреложного, общепризнанного. Уничтожив принципы всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, тем самым восстанавливается принцип справедливости. Разгон учредительного собрания не нужен, но для того, чтобы учредительное собрание безболезненно изжило себя, необходимо право отзыва нежелательных членов, после чего это учредительное собрание может превратиться в парламент революционного народа“. Никто не возражал докладчику т. Разумову.

Эти превыспренные, невразумительные и не совсем грамотные выражения доктора Разумова свидетельствуют об одном.—Идея диктатуры пролетариата со всеми вытекающими из нее выводами не была еще в тот период усвоена не только низами, но и многими верхушечными слоями провинциальных парторганизаций. И если-бы не решительность и натиск нашего ЦК., если-бы он медлил и ждал, то реализация диктатуры пролетариата была бы надолго отсрочена. Нас спас тогда ленинский централизм.

* * *

Наш список (№ 7) кандидатов в учредительное собрание от Смоленска и губернии включил в себя следующих 14 товарищей:

А. В. Луначарского, М. Н. Покровского, С. Я. Бобинского, С. В. Иванова, Ю. М. Лещинского, М. П. Ремизова, В. З. Соболева, Г. С. Овсянника, И. А. Андреева, Н. Н. Конопадского, В. А. Смольянинова, А. М. Ионова, И. П. Зуева и А. Я. Троицкого.

Смоленская губерния на выборах в учредительное собрание из общего количества 652,956 голосов дала нам

большинство голосов: 356,569. Из 8-ми кандидатов в учредительное собрание нам досталось 5.

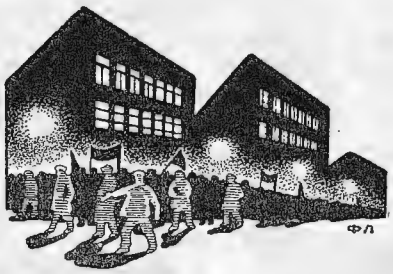
В некоторых уездных городах победа нашего списка была сокрушительной для враждовавших с нами организаций.

Так, например, в Рославле кадеты получили 2813 гол., с-ры 981, меньшевики 730 и народные социалисты 186, а всего за эти списки голосовало 4.710 человек.

Один же большевистский список собрал в Рославле 7.133 голоса.

По поводу нашей удачи на выборах в учредительное собрание кадетская газета „Смоленский Край“ писала: „Трагическое впечатление производят бесчисленные бюллетени, поданные одураченным населением за собственных палачей“.

Одно здесь верно: впечатление произведенное выборами на наших врагов было действительно трагическим.



Первые шаги Соввласти.

Вскоре после переворота смоленские большевики приступили к формированию отрядов Красной Гвардии из лиц, добровольно шедших на защиту Советов. Дело это было поручено Николаю Колосову, отличившемуся своей неустрашимостью в ночь под 31 октября.

Одновременно началась подготовка к ликвидации городской управы, в которой в то время было сосредоточено хозяйственное управление городом. Управа не ограничивалась своими хозяйственными функциями, а, пользуясь ими, вела в легальных формах борьбу против нас. Вот перед нами один документ из множества аналогичных. Управа об'являет (13/I) об оставшихся небольших запасах продовольствия. Но тут же выходит из рамок официальности, впадает в лирический тон и добавляет: „И больше ничего! Когда придут наряды с продовольствием—пока неизвестно". Извещение явно рассчитано на то, чтобы вызвать у населения недовольство новой властью. И на самой опасной почве: на почве продовольственного голода. Контрреволюционеры из городской управы хорошо знали, какую роль сыграл продовольственный кризис в свержении царской власти.

Чтобы ликвидировать старые органы власти, необходимо было организовать губернский аппарат новой власти, и смоленские товарищи приступают к созыву Губернского С'езда Советов р., с. и кр. депутатов.

6 (19) декабря этот С'езд открылся, и к 15 (28) декабря в Смоленске образовался свой Совнарком. Председателем Совнаркома и комиссаром по управлению губернией (вместо Я. Тартаковского, после бегства Ефимова, правившего губернией с 1 (14) ноября) был выбран д-р Е. Разумов. Комиссаром по судебным делам—т. Гетнер. По военным делам — т. В. А. Смольянинов. По аграрным делам — т. Лузгин. Комиссаром финотдела был назначен С. Самовер и Экономотделом—т. Овсянник.

Кроме того, сконструирован был продовольственный отдел из следующей коллегии: Бизин, Буров, Иоффе, Кудрявцев и Лихачев. Позже Смоленск имел своего Наркома просвещения, т. А. Н. Чаплина, и Наркомвнудела.

Характеризующее те времена особое пристрастие к образованию комиссариатов сказалось в том, что для заведывания автомобилями был создан особый комиссариат. Автокомиссаром был назначен т. Шкандин. При нем была

организована коллегия. Членами коллегии „автокомиссариата“ были т. т. Дегтярев и Пиндак.

* * *

Первым делом новообразовавшегося Смоленского Совнаркома была национализация банков. Приказ № 1 говорит о прекращении выдачи денег из всех кредитных учреждений. Через несколько дней были разрешены выдачи до 150 руб. в неделю.

Секвестр банков был делом не трудным. Но невыдача денег ударила не только по буржуазии. Другим концом она ударила по трудовому населению и по солдатской массе.

Был пущен слух, что „большевики украли деньги“, и мелкие вкладчики пустились вынимать свои скудные сбережения. Но в кладовых банков и в казначействе не хватало денежных знаков, чтобы удовлетворить нахлынувшие очереди.

Невозможность удовлетворить мелкого вкладчика усиливала и укрепляла пущенную против большевиков клевету. И паника росла. Толпы людей осаждали банки и казначейство. Они требовали выдачи сбережений и уплаты жалованья. Приходилось военной силой сдерживать напор толпы. Голодные солдаты с фронта врывались вооруженные в банки и казначейство, били прикладами по решетке касс, всаживали в нее штыки и кричали комиссарам: „Деньги давай! Не то, мы тебя приколем!“

Злобно роптала и малосознательная часть рабочих, терпевшая нужду от задержки зарплаты. Радость нашей победы омрачалась унынием, охватившим часть рабочей массы, терпевшей лишения.

Хозяева предприятий прекращали выдачу жалованья своим рабочим и служащим, зло иронизируя: „Ступайте за деньгами к захватившим банки вашим большевикам“.

Таково было тогда положение в Смоленске и в уездных городах губернии.

Наши ревкомы предприняли решительные шаги. Были снаряжены экспедиции за деньгами в Петроград. Центральная власть, учитывая тяжелое положение на местах, снабжала их в спешном порядке денежными знаками. Казначейства и банки приступили к выдаче мелких сбережений, зарплаты рабочим и жалованья служащим и солдатам. И кризис миновал.

Однако, надо отметить, что здесь был допущен одним из комиссаров неприличный трюк. „Нарком финансов“ С. Самовер, человек случайный в революции, вскоре после прихода к власти разложившийся и удаленный из наших рядов, 17 (30) декабря выпустил следующий приказ:

„Лица и учреждения, имеющие вклады в секвестрованных учреждениях, сохраняют прежнее право

собственности на них, а равно на причитающиеся проценты и пр. Это право гарантируется им именем Совета Народных Комиссаров".

Через несколько дней, 20 декабря (2 января), Самовер в новом приказе опять и опять повторяет:

„Народное право отнюдь не отбирает в пользу государства деньги вкладчиков. Будьте вполне спокойны за свои вклады. Право собственности на них вам гарантируется народным правом".

Тут что ни слово, то ложь и провокация. „Народное право", т.-е. революционное правотворчество, волеизъявление народных масс, взявших в свои руки власть, вообще не может никому давать гарантий на завтрашний день, который может потребовать новых мероприятий, сегодня еще не ставших необходимыми.

Да и в тот момент, когда эти торжественные обещания давались Наркомом Самовером, деньги крупных и средних вкладчиков принадлежали уже не им, а государству, которое будто бы их „отнюдь не отбирает".

Такие лживые заверения, да еще от „имени Совета Народных Комиссаров", могли и должны были дискредитировать молодую власть в глазах населения. Если не в тот день, когда эти торжественные клятвы давались, то на завтра, когда клятвопреступничество обнаружилось.

* * *

17 (30) же декабря Смоленский Совнарком издал приказ о прекращении функций судебных учреждений и об увольнении служащих губернского правления, канцелярии губкомиссара, банков и кредитных учреждений.

Это повлекло за собой жестокий саботаж. Места уволенных были об'явлены под бойкотом, и в течение долгого времени не могла быть налажена правильная работа в учреждениях. Совнарком сидел без канцелярских работников и он их искал путем газетных об'явлений.

Изо дня в день в „Известиях" печатались об'явления различными комиссариатами о том, что „требуются бухгалтера, конторщики, машинистки". И, наконец, 29 декабря (11 января) торжественно опубликовывается приказ Совнаркома о зачислении на канцелярскую службу пяти имяреков.

Этот приказ тоже из номера в номер публикуется в официальных наших „Известиях".

Такой же помпой сопровождается прием двух служащих в Соединенный Банк.

23 декабря (5 января) опубликовано за подписью П. Гончарова постановление Исполкома Совета о реквизиции мануфактуры в городе и в губернии для обмена на хлеб.

27 декабря (9 января) Исполком ассигнует на Красную Гвардию 1.500 руб. и разрешает продать в ее пользу портьеры бывшего губернатора.—Как мы были тогда бедны!— Диктатура над шестой частью света, и какие-то несчастные портьеры...

29 декабря (11 января) Комиссар Экономотдела об'являет о введении восьмичасового рабочего дня во всех торгово-промышленных учреждениях г. Смоленска и губернии.

30 декабря (12 января) учреждается особая судебная комиссия, на которую возлагается обязанность выяснить состав заключенных в тюрьмах и арестных домах, с тем, чтобы часть заключенных освободить и ряд дел вовсе прекратить.

Учреждение судебной комиссии, повидимому, находилось в связи со следующим фактом.

В июле м-це „демократической" властью был арестован матрос Тарас Крылов по „аграрному делу". В конце декабря, через два м-ца после того, как власть перешла в руки рабочих и крестьян и после того, как аграрный вопрос декретом за подписью Ленина был радикально решен, „аграрник" Крылов все еще продолжал томиться в Смоленской тюрьме. Только 22 декабря (4 января) начальник губернской тюрьмы Антонов, по всей вероятности, по настоянию заключенного Крылова, телеграфирует об этом председателю военного Ревкома.

Последний обратился к Смоленскому Совету со следующей телеграммой:

„Военно-Революционный Комитет просит освободить из Смоленской тюрьмы матроса Крылова, арестованного в июле м-це на почве аграрных беспорядков. Председатель".

Этот обнаружившийся факт не мог не повлечь за собою учреждения через несколько дней комиссии по делам арестованных, среди которых могли быть такие же „преступники", как Крылов.

6 (19) января Смоленск был об'явлен на военном положении. Непосредственным поводом к тому послужил следующий печальный факт.

5 января с утра толпы людей „в солдатских мундирах" (как говорится в Смоленских „Известиях" от 6 января) стали громить водочный завод Мачульского. „Лицами в одеждах солдат" были расхищены большие запасы вина.

К заводу были посланы члены Совета с пулеметом. Бушующая толпа пулемет отобрала. Спустя час, отряды Красной Гвардии, комендант города т. Смоленцев с солдатами 2-го авиационного парка и отрядом анархистов, наступая на пьяную толпу, взяли пулемет обратно и разогнали бесчинствующих.

Начавшийся погром был быстро прекращен.

Назавтра Смоленск был взят новой властью в железо военного положения, длившегося 10 дней. 16 января, когда все улеглось, военное положение было снято.

В печальном факте с разгромом и расхищением водочного завода был недосмотр со стороны комендантуры города. 20 декабря (2 января) Комендант города М. И. Смоленцев опубликовал заявление, что в Смоленске „не осталось никаких запасов даже для удовлетворения нужд аптек, лазаретов, для лечебных и лекарственных надобностей". Если все запасы „огненной воды" были комендантурой предусмотрительно уничтожены, то к чему было оставлять в неприкосновенности такой опасный „возбудитель", как водочный завод Мачульского, да еще без должной охраны. За этот промах молодых администраторов нам пришлось заплатить 5 (18) января опасным бесчинством толпы.

* * *

Чрезвычайно характерен стиль тогдашней эпохи.

Вот перед нами приказ от 23 декабря (5 января):

„Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов предлагает всем владельцам театров и кино-театров играть все праздничные дни за исключением приказа Совета. Председатель Буров. Секретарь Тимофеев".

Найдите теперь губернский Совет, который издавал-бы такие безграмотные приказы („за исключением приказа совета").

Вот перед нами еще один приказ. Е. Генкин, зам-наркомвнудел, приказывает:

„Деятельность Смоленской духовной консистории немедленно и абсолютно прекратить".

— „Немедленно и абсолютно"!

А вот приказ комиссара по аграрным делам В. Лузгина. Приказ адресован крестьянам Смоленской губернии. И вот каким языком говорит этот „нарком" с крестьянами:

„Из дела земли, из нивы народной должны быть из'яты все нечистые руки. У черных коршунов, у помещиков, нет перспективы честной трудовой жизни. Они не заявили себя честными вплоть до их готовности пополнять тюремный кадр защитниками революции".

Нарком Лузгин высоко-поэтично заканчивает свой приказ крестьянам:

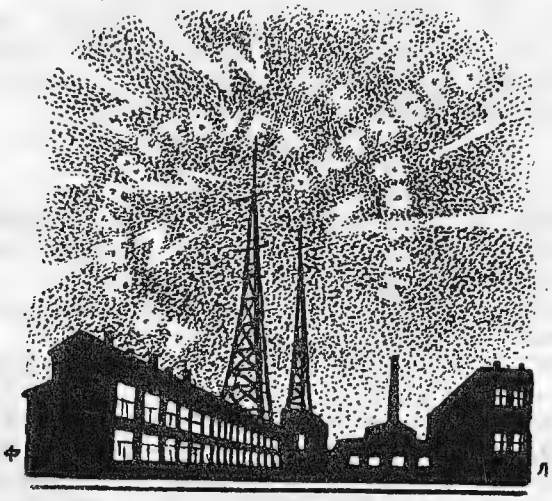
„Пусть первая мирная трель жаворонка над проталиной—гимн небу и земле—явится и гимном нашего общего, святого, мирного и налаженного труда".

А добивался тов. Лузгин от крестьян вот чего: чтобы они возили и дали другим вывозить в город дрова. Какой святой простотой дышет от этого произведения эпохи бурь и натиска!

И какими мы тогда были мягкими по отношению к нашим идейным противникам. Вот, например, такой факт. Смоленские меньшевики устраивали 15 (28) декабря спектакль для пополнения своей кассы.

Мы не только разрешили им устроить этот сбор, который должен был пойти на поддержку идейной борьбы с нами, но и помещали в наших „Известиях“ об'явления об этом.

Приказы всегда сопровождались пояснениями, чуть-ли. не оправданиями. Слово „приказ“ употреблялось редко Предпочиталось заменять его более мягким обозначением: „приказание“. Только с марта 1918 г. „приказания“ отходят в прошлое и заменяются более суровыми „приказами“.



Смоленская печать.

Дадим здесь краткий анализ того яда, которым отравляла сознание масс в Октябрьский период смоленская печать враждебных нам партий.

12 (25) ноября меньшевики выпустили экстренную избирательную газету „Номер Шестой".

Газета открывается статьей Б. И. Горева, которая информирует читателя:

„Большевики и примазавшиеся к ним темные элементы... свергли Временное Правительство"...

Горев уверенно изрекает:

„Они не могут наладить порядка в стране!"

Горева углубляет В. Левицкий (брат Мартова).

„Ленин и его друзья-большевики проповедуют анархистскую тактику"—утверждает Левицкий.

„Меньшевики против того, чтобы Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов взяли в свои руки государственную власть, потому что еще не пришло время для чисторабочей революции"...

С. П. Шур аттестует большевистский Совнарком „малограмотным и нетрудоспособным правительством" и патетически предостерегает смоленских рабочих:

„Товарищи рабочие! Не увлекайтесь громкими и льстивыми фразами, приятными для вашего самолюбия, но гибельными для вашего дела".

Заканчивается статья Шура указанием на то, что меньшевики борятся:

„за социализм не игрушечный — ленинский, а настоящий"...

В. Ежов (тоже брат Мартова) убеждает солдата:

„Не иди за большевиками!... Большевики много говорят о войне, о том, что ее надо кончить. Но кто не на словах только, а на деле боролся за всеобщий мир, за скорейшее окончание войны?..."

Теперь, конечно, нетрудно ответить на вопрос, кто не на словах, а на деле закончил войну. Но тогда, 10 лет тому назад, такие демагогические приемы меньшевиков могли иметь успех у доверчивых читателей.

Далее, глубоко правдивый автор подводит итоги: „Они оказались обманщиками и преступниками, достойными народного проклятия".

В конце газеты печатается воззвание меньшевистского ЦК, в котором, между прочим, говорится: „Революции на-

несен тяжелый удар, и этот удар нанесен не в спину генералом Корниловым, а в грудь Лениным и Троцким"...

И далее:

„Это могли сделать только искатели приключений или предатели революции. Рабочий класс не принимал непосредственного участия в этой безумной затее".

И меньшевики глубокомысленно и уверенно предсказывают: „Поражение большевиков неизбежно"...

* * *

Орган эсеров „Смоленский Вестник" ни перед чем не останавливался в своей борьбе против большевизма и его представителей.

Вот перед нами образцы клеветнической кампании „Смоленского Вестника".

В передовой редакционной статье в № от 5 (18) октября по поводу антиеврейского погрома в Рославле, давшего убитых и раненых, газета пишет:

„Рославльские и другие беспорядки анархическо-грабительского характера убеждают главного лидера большевиков— Ленина в том, что „народ идет по правильному пути" и крайние революционные партии во главе с большевиками должны стать во главе этого движения и придать ему более организованный характер"...

Владимир Ильич в роли оправдывающего погромы („правильный путь") и требующего лишь придать им более организованный характер...

Где и когда была изобретена более гнусная клевета, чем эта!

Останавливаясь на словах т. Луначарского в его известном письме „Куда итти дальше", передовая того же „Смоленского Вестника" от 6 (19) ноября отвечает кивком в сторону „немецкого шпионажа":

„В Финляндию, заграницу, в Германию..."

Кончается статья так:

„Так оно и будет: страна после эксперимента большевиков скатится в пропасть анархии, распада и контрреволюции, а преступные экспериментаторы, а Ленины, Троцкие и Луначарские уйдут в Финляндию и дальше"...

Газета убеждает своих читателей, что большевики на ладан дышат. Вот-вот им конец будет. При чем гибель эта придет от... резолюции.

В передовой от 9 ноября „Смоленский Вестник" утверждает, что вынесенная Московской с.-р. фракцией городской думы резолюция-протест против большевистского переворота,—„это начало конца кровавой авантюры Ленина, Троцких и Луначарских".

Здесь грубый обман смоленских эсеров сочетается с самообманом и с наивностью людей „со стороны", да-

леких от жизни и ее движущих сил. Тут сказывается та политическая слепота, при наличии которой ничтожная бумажка, резолюция московской фракции эсеров, вырастает у них в могучий таран, от которого шатается и рушится крепостная стена большевизма.

Тов. Луначарского смоленские эсеры усердно травили наряду с Лениным и Троцким, потому что он числился в смоленском большевистском списке первым кандидатом в учредительное собрание. Тов. Луначарского поэтому необходимо было во что бы то ни стало дискредитировать. А чем же можно было т. Луначарского сильнее всего дискредитировать, если не тем, что его всюду ставили рядом с Лениным и Троцким...

* * *

Но рекорд гнусности побила другая смоленская газета—„Смоленский Край".

Если „Смоленский Вестник", понося Ленина и Троцкого, называет последнего Троцким, то „Смоленский Край" обязательно именует его „Бронштейном". „Ленины и Бронштейны", „Совнарком во главе с Лениным и Бронштейном"—то и дело пестрят на листах кадетской („конституционно-демократической"!..) газеты. Специфический запах этой „демократической" дешевки так и бьет в нос. Чьим „диалектом" „демократическая" газета здесь „выражается" и какому читателю она потрафляет, это и без комментарий ясно...

„Смоленский Край" убеждает свою аудиторию, что политическая борьба семнадцатого года происходит не по классовой линии, а в плоскости национальной.

„Россия,—говорится в одной передовой редакционной статье,—разделилась сейчас на два противоположных лагеря, при чем деление это произошло не в плоскости социального деления на буржуазию и пролетариат, как это ложно и умышленно стараются нарисовать большевики и крайние социалисты".

Нет, глубокомысленно утверждают кадетские социологи из „Смоленского Края".

„Это деление,—категорически заявляют они,—произошло в плоскости государственно-национальной, и друг против друга стоят, с одной стороны, те, которые стремятся спасти Россию, как государство и как независимую экономическую национальность, а с другой — стоят люди, которые поставили себе целью разрушить Россию и отдать ее в долгое и позорное рабство Германии".

Кто первые, это ясно. Это кадеты, казаки, оборонцы и все те, кто правее их.

А вторые? Кто они такие те люди, которые „поставили себе целью разрушить Россию („как экономическую национальность", по топорному выражению безграмотного

редакционного передовика) и отдать ее в долгое и позорное рабство Германии"?

Эти люди, конечно, большевики, которым во что бы то ни стало „нужно разграбление России оптом и в розницу".

При этом газета информирует смоленских граждан, что „всеми поступками главарей большевиков руководит германский император, давший им задачу уничтожения России с предоставлением своим наемникам полной свободы личной наживы в процессе этого разгрома нашей родины".

Ученые социал-политики из „Смоленского Края" доказывают своей аудитории, как дважды два четыре, что большевики—„сознательные предатели".

Вот это неоспоримое доказательство:

„Отменить право собственности на землю, на городские недвижимости, разогнать сенат, национализировать банки... Это носит какой-то шутовской характер, и невольно рождается мысль о сознательном предательстве со стороны вождей ошалевшей, обезумевшей черни. Нельзя поверить, чтобы взрослые люди серьезно занялись таким правотворчеством"...

„От имени кого выступают большевики?" - задает своим читателям вопрос „Смоленский Край". И тут же отвечает:

„От имени подонков общества и невежественных масс. Им по душе разруха, дающая им возможность хорошо лично нажиться и удовлетворить свои грубые корыстные интересы. От имени этой последней группы и говорят большевики".

„Во главе организации",--продолжает газета,—два лица, не оправдавшиеся в государственной измене. Дальше ряд имен, к которым прилагаются выдержки из послужных списков. „Служил в охранном отделении". „Проворовался". „Исключен со службы". „Держал игорный притон". „Считался шуллером". „Был бит неоднократно". „За уголовные деяния исключен из полка". Целый ряд справок о бывших охранниках, черносотенцах, мошенниках, которые ныне являются правителями России.

„Вчерашние монархисты, оправданные воры,—продолжает свою гнусную клевету на большевистские ряды черносотенно-кадетская газета,—они идут против совести и готовы везде и всюду продаться за презренный металл или за казначейский знак". „Под флагом высоких идей и красивых слов идет самый грубый разбойничий и своекорыстный интерес".

Газета лицемерно возмущается:

„Забыть о народе, забыть о братьях, страдающих четвертый год в окопах, о полуголодных стариках и детях,

только для того, чтобы посидеть где-то в ярко освещенной зале за письменным столом и водить закорузлым пальцем по бумаге, сплевывая на пол окурок, ничего не понимая и не умея сделать"!

Большевики—это „люди, умеющие лишь плевать семячки".

Чтобы побудить Смолян к протесту против большевиков, газета пускает в ход поповские угрозы карами небесными.

„Придет расплата! Скажет господь: стань ощую, ибо ты был великим грешником. И ввергнут тебя в геену огненную, где будет плач и скрежет зубовный. Ибо ты подчинился силе и способствовал разорению страны".

Чтобы представить большевиков в нелепо-смешном виде, „Смоленский Край" печатает, например, такого рода телеграмму из Питера „собственного корреспондента":

„Сенатским курьерам обещаны в первую очередь места сенаторов".

К каким окончательным выводам приходят наши доморощенные „Милюковы" из „Смоленского Края"?

„Гибельным путем идет Россия, руководимая бессовестной демагогией", „опозоренная темными представителями политического авантюризма".

И если история не послушалась этих мудрецов и прорицателей, то это отнюдь не их вина. Они, надо им отдать справедливость, делали все, что было в их силах, чтобы натравить население на большевиков—на „наемников Вильгельма", на „предателей", „палачей", на „Лениных и Бронштейнов"...

* * *

24 ноября (7 декабря) стали выходить наши „Известия Смоленского С. Р., С. и К. Д.".

Во главе редакции стоял тов. С. С. Иоффе.

Передовые статьи писались преимущественно им. Часты были номера, в которых почти все статьи принадлежали перу тов. Иоффе—под псевдонимом „С. Мосарский" и вовсе без подписи. Печатались в „Известиях" и статьи тов. В. Астрова. С 15 января 1918 г., когда т. Иоффе уехал из Смоленска, место его занял тов. Астров.

И подобно тому, как в раковине ощущается шум моря, так из каждой строчки наших газет этой бурной эпохи доносится к нам отзвук гигантской борьбы, гул боев и шум одержанных нами побед...

Конец земства.

Вслед за роспуском городской думы и управы, Совласти предстояло ликвидировать еще один оплот контрреволюции—земство, где приютились наши явные и скрытые враги.

Открывая Смоленское Губернское земское собрание 20 января (2 февраля) 1918 г., зам. пред. губ. зем. управы П. А. Вакар произнес речь, в которой отметил царящие вокруг „темноту и мрак, печаль и скорбь". Большую часть его речи составляли (какая „нищета философии"!) цитаты из стихотворения Надсона „Брат мой, друг мой". Вакар выразил уверенность, что „настанет пора, и погибнет Ваал". Под „Ваалом", разумеется, фигурирует здесь большевизм. Это о его гибели вслух молились земцы...

После этого Вакар поставил на очередь вопрос об арестованном пред. губ. зем. управы А. М. Тухачевском.

Большевики же и левые с-р-ы поставили на разрешение собрания первым вопрос об отношении к Сов. власти.

Когда собрание большинством голосов приняло резолюцию о немедленном освобождении Тухачевского, 18 большевиков и левых эсеров покинули заседание.

Осталось 30 гласных, а для кворума необходимо было присутствие 37 гласных, вследствие чего заседание было закрыто до 21 января (3 февраля).

21 января (3 февраля) лидер меньшевиков М. А. Давидович и ряд правых гласных вновь подымают вопрос о Тухачевском. Но собрание большинством 27 против 24-х этот вопрос снимает. Левая часть собрания аплодирует этому решению.

Голосование собрания по поводу Тухачевского вызывает уход некоторых гласных (Давидовича, Мацкова, Королева, Лятковского).

Гласный С. М. Шуров раз'ясняет, что Тухачевский арестован не как председатель губ. зем. управы, а за неподчинение декрету Совнаркома.

Меньшевик Зезюлинский и Сабинский предлагали примирительную резолюцию о полном контакте земства с Советами. В примирительном духе говорит и гл. Капустин: „Все мы плоть от плоти и кость от кости Советов".

Н. А. Вонлярлярский удивляется, какой, мол, может быть вопрос об отношении земского органа к власти Советов. Ведь, земству уже 50 лет и его отношение к административной власти давным-давно установлено. Точно нет никакой разницы между тем режимом, при котором существовало земство пятьдесят лет, и властью рабочих и крестьян.

После продолжительных прений собрание принимает резолюцию Сабинского и Зезюлинского о необходимости контакта с Советами.

22 января (4 февраля) дневное собрание целиком проходит в обсуждении вопроса о размерах оклада председателю и членам управы.

Гласный Радивилин требует увеличенных ставок. Вонлярлярский же делает благородный жест: он стоит за низкую оплату земцев. Ему, крупному помещику, есть с чего жить и при минимальном окладе.

Гласный Шуров вносит предложение, чтобы в земское собрание было допущено представительство от Совета Р. К. и С. Деп. Это предложение отвергается собранием.

Вечером того же числа произошло следующее: гл. Шуров от имени гласных левых с-ров и большевиков вносит заявление о том, что отныне они больше не будут принимать участия в работе собрания. Мотивы: а) выборы в земство происходили в удушливой атмосфере правооборонческого и политического засилья Керенского и К°ª; б) фракция не желает вести соглашательской политики „с врагами и изменниками революции; в) малочисленность фракции левых с-р и большевиков не дает ей возможности в этих условиях осуществлять через земское собрание задачи народного хозяйства.

Фракция уходит. Вслед за нею уходит ряд гласных, заявляя, что без контакта с Советами земство в настоящих условиях работать не может. Уходят и левые и правые (Е. Ф. Попова, Лагутин), гласные Ельнинского и Вяземского уездов.

25 января (5 февраля) левые вернулись, и были произведены выборы председателя и членов управы. Кое-кто из левой группы получил большинство записок (Т. И. Трофимов—35, М. Шуров 31 зап.) Радивилин же получил всего 1 записку, хотя фракция на заседании присутствовала. Повидимому, в самой фракции происходили трения и нелады.

Вносится внеочередное заявление от группы гласных, протестующей против налажения земской работы ценою соглашения с большевиками. Разумеется, это заявление саботажников не так прямо и откровенно сформулировано, как мы здесь говорим. Оно толкует о насилии мень-

шинства над большинством, о принципе независимости замства и т. д.

В эту группу входил лидер местных меньшевиков М. А. Давидович на ряду с помещиком Вонлярлярским и рядом других правых гласных. Из прений выясняется, что группа, добивавшаяся под предлогом демократичности срыва работы, участвовала в переговорах о коалиционном составе земской верхушки, все время одобряя уступки меньшинству.

В этой двойственной политике принимал участие и лидер меньшевиков М. А. Давидович, который одним из первых подписался на внеочередном заявлении.

Фракция левых с.-р. и большевиков после краткой декларации, прочитанной Радивилиным, подымается и уходит с собрания в третий раз за 4 дня. Под декларацией были подписи не всех тех, которые ушли с собрания в первый день 20 января. Повидимому, среди фракции были несогласия.

На дневное заседание 24 января (6 февраля) фракция левых с.-р и б-ков вернулась.

Меньшевик Давидович от имени группы 8 гласных, заявивших вчера о своем воздержании от выборов управы, снимает это заявление.

Происходят выборы. Радивилин, вчера получивший 1 записку, получает сегодня 35 голосов. Большинство получают и ряд правых гласных, повидимому, как люди, нужные для практической, хозяйственной работы земства.

С этого момента собрание переходит к деловой работе.

Только изредка вспыхивает полемика между Радивилиным, Давидовичем и др. гласными, как отзвук обостренных политических трений в стране.

Так, 3 (16) февраля, по вопросу о хлебе и нужде в нем, разгорается спор между Радивилиным и Давидовичем. При чем последний утверждает, что хлеб появится тогда, когда будет созвано учредительное собрание, разогнанное 5 января. „На Троцкого же надеяться нечего".

Гл. Трофимов, который 20 января вместе с другими л. с.-р. и б-ками покинул зал заседания в знак протеста против основного ядра собрания, вдруг 3 (16) февраля выступает против Соввласти, указывая, что „если Соввласть только пишет бумаги, то тем же самым занимались и продовольственные комитеты".

6 (19) февраля в собрании розыгрывается большой скандал в связи с тем, что гласный Радивилин сказал гласному Ростову: „да будет вам дурака валять".

В вечернем заседании 7 (20) февраля обнаруживаются несогласия между членами фракции л. с.-р. и б-ков. А. Г. Грищенков выступает против Радивилина и в защиту

проекта управы о постановке народного образования в губернии.

В вечернем заседании 8 (21) февраля вновь обнаруживается несогласие между членами фракции К. И. Радивилиным и Н. Ф. Зубаревым по школьному вопросу.

9 (22) февраля сессия земск. собр. заканчивается за исчерпанием всех вопросов.

* * *

Из кого состояло большинство земских деятелей? Из тех, кто написал вот этот документ:

„Его превосходительству М. В. Родзянко.

„Милостивый государь,

Михаил Владимирович!

Осведомившись неоффициальным путем с содержанием телеграммы Военного Вестника 1,3,303 Временного Комитета Государственнной Думы за Вашей подписью, мы, гласные Смоленского Губернского Земского Собрания в составе всех собравшихся на очередное Губернское Земское Собрание, выражаем горячее сочувствие Вашей решимости восстановить государственный и общественный порядок при сохранении конституционно-монархического строя. Да поможет Вам Бог создать новое Правительство, отвечающее желаниям народа и пользующееся его доверием.

Подписали: В. П. Энгельгардт, князь В. М. Урусов, А. М. Потемкин, В. В. Павлов, В. Н. Каверзнев, Н. С. Котиков, Д. Г. Полуектов, А. З. Танцев, В. А. Волков, В. Г. Логинович, П. М. Сухотин, А. П. Верзилов, Г. И. Гуменский, В. Н. Ловейко, В. В. Букин, С. М. Лесли, А. А. Энгельгардт, И. В. Кузенев, М. И. Погодин, М. П. Яновский, Л. Н. Телеснин, Б. Х. Дрелинг, граф П. А. Келлер, В. Н. Телеснин, О. Л. Глинка, В. Л. Глинка, П. А. Губкин, П. Н, Азанчевский, П. А. Вакар, Г. Р. Щепановский, В. М. Герасимов, А. А. Синягин, А. А. Козлов, А. С. Храповицкий, Д. А. Дическул, Иоанн Лелюхин".

Могли ли мы работать в контакте с такими „общественными деятелями", которые только-что стояли за монархию и уповали при этом на помощь божью? Да еще при отсутствии крепкого ядра, хорошо спевшейся между собою фракции.

Земство было ликвидировано Советской властью. Это заседание Смоленского земства было его „лебединой" песней.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

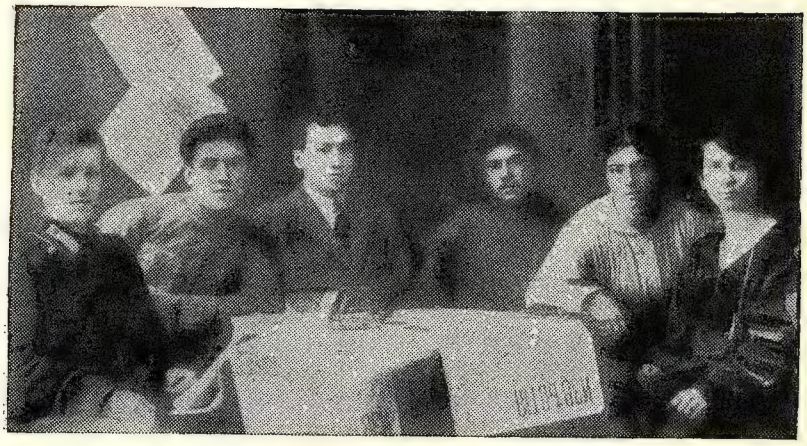
Тов. Смольянинов.

Тов. Иоффе.

Тов. Смоленцев.

Тов. Сидоров.

Редакция Смоленских „Известий“.



Слева направо: т.т. Салтыков, А. А. Петров, С. С. Иоффе, В. Астров, А. Ф. Астрова, Ю. С. Иоффе.